

Чаща

Автор:

[Наоми Новик](#)

Чаща

Наоми Новик

Young Adult. Фэнтези-бестселлеры

Дверник – деревня в Польнии, расположенная в живописной долине. Реки здесь быстры, горы высоки, жители дружны. Вот только рядом с Дверником находится Чаща – таинственный лес, живой и жестокий. Он похищает людей, лишает их воли и изменяет до неузнаваемости.

В Двернике и живут Агнешка и Кася, подруги, любящие друг друга как сестры. Их счастливые дни омрачает лишь одно: они знают, что однажды им придется расстаться. Скоро в деревню прибудет Дракон, могущественный волшебник, единственный, кто может уберечь поселян от тлетворного влияния Чащи, которая не щадит ни детей, ни взрослых, оставляя в них навеки следы порчи. Но цена за освобождение от кошмара слишком высока: раз в десять лет Дракон забирает в свою башню самую красивую и самую талантливую девушку. Ни у кого нет сомнений, кто станет его следующей жертвой – Кася. Агнешка люто ненавидит Дракона и знает, что никогда не смирится с потерей. Но в этот раз он сделает неожиданный выбор, забрав ту, которая изменит жизнь всей Польнии.

Наоми Новик – лауреат Мифопоэтической премии и Британской премии фэнтези, обладатель премий Nebula и Locus. Роман «Чаща» стал бестселлером New York Times и признан лучшей книгой года по версии Publishers Weekly.

Наоми Новик

Чаща

Naomi Novik

Uprooted

© 2015 by Temeraire LLC

© Лихачева Светлана, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Наш Дракон девушек не ест, каких бы уж там небылиц ни наплели за пределами нашей долины. Нам их заезжие путники иногда пересказывают. Их послушать – так у нас тут человеческие жертвоприношения в ходу, как будто он и впрямь самый настоящий дракон. Конечно, это все неправда; может, он и колдун, может, и бессмертный, но все равно человек, и наши отцы собрались бы все вместе да убили бы его, если бы он съедал по одной из нас каждые десять лет. Он защищает нас от Чащи, и мы ему признательны – но не настолько же.

Нет, на самом-то деле Дракон их не сжирает, так только кажется. Он забирает девушку в свою башню, а десять лет спустя отпускает на свободу, но только к тому времени она уже не она. Слишком роскошно одета; и разговор ведет прямо как придворная дама; и прожила наедине с мужчиной десять лет, так что, понятное дело, обеспечена. Хотя все девушки хором твердят, будто он их и пальцем не тронул. Ну да что еще им остается говорить-то? И это еще не самое худшее – в конце концов, Дракон на прощание дарит им в приданое набитый серебром кошелек, так что на такой всяк с радостью женится, невзирая на бесчестье.

Вот только замуж они идти не хотят. И вообще не хотят здесь оставаться.

– Они забывают, как тут жить, – неожиданно сказал мне однажды отец.

Я ехала рядом с ним на козлах опустевшей телеги. Доставив недельный запас дров, мы возвращались домой. Жили мы в Двернике: не самой большой деревне долины, но и не самой маленькой, и стояла она в семи милях от Чащи – не то чтобы совсем близко. Однако дорога наша пролегла через высокий холм, с вершины которого в ясный день хорошо просматривалась река по всей длине – вплоть до бледно-серой полосы выжженной земли у опушки и сплошной темной стены деревьев за нею. Драконова башня находилась далеко оттуда, совсем в другой стороне: словно белый брусочек мела, застрявший в основании западных гор.

Я тогда совсем мелкой была – не старше лет пяти. Но я уже понимала, что про Дракона у нас говорить не принято, равно как и про девушек, которых он забирает: вот поэтому мне и запал в душу тот один-единственный раз, когда отец нарушил это правило.

– Зато они помнят, что надо бояться, – добавил отец. Вот и все. Он прищелкнул языком, подгоняя лошадей, и они рванулись вперед, вниз по холму, назад к деревьям.

Мне это показалось сущей бессмыслицей. Да, мы все боялись Чащи. Но долина была нам домом. Как можно бросить дом? И все-таки девушки в родных краях не задерживались. Дракон выпускал их из башни, они ненадолго возвращались к семьям – на неделю, иногда на месяц, не дольше. А затем забирали полученное в приданое серебро и уезжали. В большинстве своем они отправлялись в Кралию и поступали в университет. Нередко выходили за какого-нибудь горожанина или становились учеными книжницами, а не то так лавочницами; хотя вот люди перешептывались про Ядвигу Бах, которую Дракон забрал шестьдесят лет назад – так вот она стала куртизанкой и любовницей какого-то барона и какого-то герцога. Но к тому времени, как родилась я, она была уже просто богатой старухой, слала роскошные подарки всем своим внучатым племянницам и племянникам, но в гости никогда не наезжала.

Так что оно, конечно, совсем не то же самое, что отдать родную дочь на съедение, но и радости в том тоже мало. В долине деревень не так уж много,

чтобы риск оказался невелик, – ведь Дракон всегда забирает семнадцатилетнюю девушку, рожденную между двумя октяблями. В мой год таких девушек было одиннадцать, то есть шанс на выигрыш еще ниже, чем при игре в кости. Все говорят, что Драконорожденную девушку любят не так, как остальных детей; ты просто ничего не можешь с собой поделаться, зная, что того гляди ее потеряешь. Но со мной и с моими родителями было иначе. Ведь к тому времени, как я повзрослела достаточно, чтобы понять – забрать могут меня, мы все уже знали, что Дракон заберет Касю.

Одни только заезжие путешественники, не знающие наших дел, нахваливали девочку Касиным родителям и твердили им, какая красавица у них дочка, какая умница, какая милочка. Дракон не обязательно забирал самую хорошенькую, но всегда – особенную, не похожую на других: если какая-то из девушек далеко затмевала сверстниц красотой или умом, или танцевала лучше всех, или обладала необычайно добрым сердцем, отчего-то Дракон всегда отдавал предпочтение ей, притом, что не обменивался с девушками и двумя словами, прежде чем сделать выбор.

А в Касе было все это сразу. Густые пшенично-золотые волосы – она заплетала их в косу до пояса, – и теплые карие глаза, и смех словно песня, которая так и рвется с уст. Кася выдумывала самые лучшие игры, сочиняла истории и новые танцы прямо из головы; стряпала так, что впору хоть для пира, а когда пряла шерсть отцовских овец, нить сходила с колеса гладкая, без единого узелка или зацепки.

Да, знаю, меня послушать – так речь идет о сказочной героине. Такой я ее и воспринимала. Когда мама рассказывала мне сказки про принцессу за прялкой, или храбрую гусятницу, или речную русалку, я про себя представляла их всех немножко похожими на Касю. А поскольку я была еще слишком мала, чтобы заглядывать вперед, я любила ее не меньше, а сильнее оттого, что знала: скоро ее у меня отберут.

Кася уверяла, что она вовсе даже не против. Она выросла бесстрашной: ее мать Венса об этом позаботилась. «Ей нельзя не быть храброй», – так она при мне однажды сказала моей матери, подзуживая Касю влезть на дерево: девочка все не решалась, а моя мама обнимала ее со слезами на глазах.

Мы жили всего-то в трех домах друг от друга, родных сестер у меня не было, только трое братьев, и все много старше меня. Я любила Касю больше всех на

свете. С колыбели мы играли вместе, сперва на кухнях наших матерей, стараясь не мешаться под ногами, потом на улице перед домом, а потом доросли до того, что нас отпускали порезвиться в лесу, на воле. В дом меня совершенно не тянуло: зачем сидеть в четырех стенах, если можно бегать рука об руку под зеленой сенью! Я воображала, будто деревья тянут к нам руки-ветви, чтобы защитить нас и спрятать. Я думала, когда Дракон заберет ее, я просто не выдержу.

За меня бы родители не слишком боялись, даже если бы не Кася. В свои семнадцать я была большеногая, тощая, кожа до кости – сущий жеребенок, – грязно-русые волосы вечно спутаны, а мой единственный талант (если, конечно, здесь уместно это слово) состоял в том, что все, на меня надетое, я умудрялась изорвать, запачкать или потерять еще до исхода дня. К тому времени, как мне стукнуло двенадцать, мама отчаялась меня перевоспитать: мне разрешалось бегать в обносках старших братьев круглый год, кроме разве праздников; в такие дни мне полагалось переодеться в нарядное – не раньше чем за двадцать минут до выхода из дома – и потом сидеть и ждать на скамейке у двери, пока все не пойдут в церковь. И даже тогда мне не часто удавалось дойти до общинной лужайки, не зацепившись за ветку или не забрызгавшись грязью.

«Придется тебе идти замуж за портного, малютка Агнешка», – смеясь, говаривал отец, когда возвращался из леса ввечеру, а я бежала ему навстречу, чумазая, простоволосая, и одежка хоть где-нибудь, да разодрана. Но отец все равно подхватывал меня на руки и целовал, а мать лишь вздыхала, и то самую малость: какие родители станут огорчаться всерьез, если Драконорожденная и обладает недостатком-другим?

Наше последнее с Касей лето выдалось долгим, теплым и слезным. Кася не плакала, а вот я – да. Мы допоздна бродили в лесах, растягивая каждый золотой день сколь можно дольше, а потом я возвращалась домой, голодная и усталая, и сразу ложилась, не зажигая свечи. Приходила мама, гладила меня по голове, напевая тихонько, пока я не засну в слезах, и оставляла у моей постели тарелку с ужином – ведь от голода я, случалось, пробуждалась посреди ночи. Утешать меня еще как-то мама не пыталась – да и что она могла? Мы обе знали: как бы сильно она ни любила Касю и Касину мать Венсу, все равно у нее в душе теплится искорка радости – заберут не мою дочь, не мою единственную! И на самом-то деле мне, конечно же, и не хотелось, чтобы мама думала иначе.

Все лето мы почти не разлучались – я и Кася. Да мы и прежде были неразлейвода. Совсем маленькими мы резвились с оравой деревенских детишек, но когда чуть подросли и Касина красота расцвела, ее мать сказала: «Держалась бы ты подальше от парней, так оно лучше и для тебя, и для них». А я льнула к Касе, и моя мама слишком любила ее и Венсу, чтобы пытаться разлучить меня с ними, хотя и знала, что в конце концов мне будет больно не в пример сильнее.

В самый последний день я отыскала для нас полянку в лесу, где деревья еще не сбросили листья, золотые и огненно-алые, и шелестели ими повсюду вокруг нас, а землю усыпали спелые каштаны. Мы развели костерок из прутиков и сухих листьев и зажарили горсточку каштанов. Завтра первое октября. Завтра будет устроен великий пир, дабы почтить нашего заступника и повелителя. Завтра придет Дракон.

– А славно было бы стать трубадуром, – промолвила Кася, лежа на спине с закрытыми глазами. Она мурлыкала что-то себе под нос: на праздник загодя прибыл странствующий певец и нынче утром репетировал свои песни на общинной лужайке. Всю неделю в Дверник прибывали телеги с данью. – Разъезжать по всей Польнии и петь перед самим королем!

Кася произнесла это задумчиво, но не так, как ребенок, витающий в облаках; она сказала это, как будто и впрямь собралась покинуть долину и уехать навсегда. Я сжала ее руку.

– И ты каждый раз приезжала бы домой на Зимний солнцеворот, – подхватила я, – и пела бы нам все песни, какие выучишь.

Мы крепко-накрепко сцепили пальцы, и я запретила себе вспоминать о том, что девушки, которых забирал Дракон, возвращаться в родные края уже не хотели.

Конечно, в тот момент я его люто ненавидела – и только. Но правителем он был не из худших. По ту сторону северных гор барон Желтых Топей держал войско в пять тысяч человек – сражаться в Польнийских войнах, владел замком с четырьмя башнями, жена его носила кроваво-алые драгоценности и плащ из белых песцовых шкур – и это во владениях не богаче нашей долины. Один день в неделю подданные барона были обязаны отрабатывать повинность на его полях (понятное дело, ему принадлежали самые плодородные наделы), а их справных сыновей барон забирал в войско, и столько солдат слонялись без дела, что

девушкам приходилось сидеть дома, и по возможности не в одиночестве, как только они входили в возраст. И даже этот был правителем не самым плохим.

А у Дракона башня была только одна, и ни одного дружинника или хотя бы слуги, за исключением той единственной девушки, которую он забирал. Да он в войске и не нуждался: его служба королю заключалась в его неусыпных трудах, в его магии. Изредка он являлся-таки ко двору и возобновлял вассальную присягу, и, наверное, король при желании мог призвать его и на войну, но по большей части обязанности Дракона сводились к тому, чтобы оставаться здесь, приглядывать за Чашей и защищать королевство от ее тлетворного зла.

Его единственной прихотью были книги. Мы все читали немало, для поселян-то, потому что Дракон платил золотом даже за один-единственный увесистый фолиант, так что книгоноши к нам навевались издалека, хоть наша долина и находилась на самой окраине Польнии. А раз уж им все равно тащиться в такую даль, так они заодно набивали переметные сумы своих мулов потрепанными книжками подешевле и продавали их нам за наши пенни. Лишь в самых нищих лачугах на полках не красовались гордо хотя бы две-три книги.

Тому, кто не жил рядом с Чашей и ничего в наших делах не понимал, все это показалось бы сущими пустяками – дескать, не причина оно, чтобы отдавать дочь. А вот мне довелось пережить Зеленое Лето, когда знойный ветер нес из Чащи пыльцу далеко на запад – в долину, на наши поля и сады. Все созревало на глазах, буйно и пышно, но овощи и плоды уродились до странности обезображенными. Те, кого угораздило их отведать, впадали в ярость, бросались на родных с кулаками и в конце концов убегали в Чашу и исчезали навеки, если их перед этим надежно не связали.

Мне в ту пору было только шесть. Родители пытались оградить и защитить меня, но я живо помню леденящий, липкий ужас повсюду: все изнывали от страха, и у всех подвело животы. Мы к тому времени подъели все свои прошлогодние запасы и очень рассчитывали на весну. Один из наших соседей, обезумев от голода, съел зеленых бобов. Помню, как той ночью из его дома донеслись крики, я выглянула из окна и увидела, что отец бежит на помощь, прихватив с собой вилы.

Тем летом я однажды ускользнула из-под надзора моей усталой, исхудавшей матери и побежала в лес – я ведь была слишком мала и опасности толком не понимала. В укромном, закрытом от ветров уголке я отыскала полуживую

ежевику. Я раздвинула неподатливые засохшие ветви, добралась до защищенной сердцевины и откопала дивную гроздь ягод – вовсе даже не уродливых, а здоровых, сочных, чудо да и только! Каждая ягодка отзывалась у меня во рту взрывом ликующей радости. Я съела две горсти, а остальное собрала в подол и поспешила домой: сок расплзлся по юбке фиолетовыми пятнами. Мама же расплакалась от ужаса при виде моей чумазой мордашки. Я не захворала: ежевика каким-то образом избегла проклятия Чащи, ягоды и впрямь оказались съедобными. Но слезы матери здорово меня напугали; с тех пор я еще много лет не брала в рот ежевики.

Дракона в тот год вызвали ко двору. Вернулся он рано, и поехал напрямик в поля, и призвал магический огонь, и выжег весь зараженный урожай, все отравленные посева. В том состояла его обязанность; но потом он побывал в каждом доме, где кто-нибудь занедужил, и дал больным отведать волшебного снадобья, и разум их прояснился. А еще Дракон распорядился, чтобы деревни дальше к западу, которых пагуба не затронула, поделились с нами урожаем, и даже отказался в тот год от причитающейся ему дани – просто чтобы никто из нас не умер от голода. Следующей весной, перед самой посевной, Дракон снова прошел по полям и дожег несколько уцелевших уродцев, прежде чем они успели разрастись заново.

Да, он нас спас, но мы все равно не питали к нему любви. Он ни разу не покинул своей башни, чтобы проставить работягам выпивку в страдную пору, как это делал барон Желтых Топей, он не закупался на ярмарке мелкими пустячками, как супруга барона и ее дочери. Случалось, что странствующие актеры давали представления или через горные перевалы из самой России наезжали певцы. Но Дракон никогда не наведывался их послушать. Когда телеги привозили причитающуюся ему дань, двери башни распахивались сами собою, и селяне складывали привезенное в погреба, так и не увидевшись с хозяином. Дракон от силы парой слов перемолвился со старицей нашей деревни, да что там – даже с мэром Ольшанки, самого крупного города в долине поблизости от его башни. Он не пытался завоевать нашу любовь, и никто не водил с ним знакомства.

А еще, понятное дело, он занимался черным чародейством. Ясными ночами вокруг его башни вспыхивали молнии – даже зимой. Бледные жгуты тумана тянулись из его окон и плыли ночами вдоль дорог и вниз по реке до самой Чащи – то были его верные стражи. А иногда, если Чаще случалось поймать кого-нибудь – девочку-пастушку, которая по неосторожности подошла слишком близко к опушке, догоняя стадо; охотника, который напился не из того ручья;

злополучного путника, который прошел через горный перевал, напевая обрывок мелодии, что запускает когти в сознание, – что ж, Дракон покидал башню и ради них тоже, – но те, кого он забирал, не возвращались уже никогда.

Нет, злым он не был – он был чужим, далеким и грозным. И он собирался забрать Касю, поэтому я ненавидела его всем сердцем, ненавидела вот уже многие годы.

В тот последний вечер чувства мои ничуть не изменились. Мы с Касей доели свои каштаны. Солнце село, костерок догорел, но мы задержались на полянке до тех пор, пока не потухли последние угли. Ведь поутру путь нам предстоял совсем близкий. Праздник урожая обычно устраивали в Ольшанке, но в год выбора – всегда в одной из деревень, где жила хотя бы одна из девушек, чтобы семьям не так далеко было ехать. А в нашей деревне жила Кася.

На следующий день, надевая новое зеленое верхнее платье, я ненавидела Дракона еще сильнее прежнего. Мать дрожащими руками заплела мне косу. Мы все знали, что выбор падет на Касю, но все равно боялись. Я подобрала юбки повыше и как можно осторожнее забралась в телегу – дважды удостоверившись, что зацепиться тут не за что, и позволив отцу подсадить меня. Я вознамерилась расстараться как никогда. Я знала – все бесполезно, но пусть Кася знает: я люблю ее так сильно, что хочу дать ей шанс. Я не собиралась представлять перед Драконом сущим чучелом, и уж тем более сутулиться или изображать косоглазие. Девушки иногда прибегали к подобным трюкам.

Мы собрались на деревенской общинной лужайке – и все одиннадцать девушек выстроились в ряд.

Пиршественные столы расставили прямоугольником: они чуть не подламывались, потому что на самом-то деле были недостаточно велики, чтобы вместить дань со всей долины. Все жители деревни столпились позади столов. Мешки с пшеницей и овсом были сложены пирамидами на траве по углам. На лужайке стояли только мы, с нашими семьями и старицей Данкой. Она нервно расхаживала взад-вперед перед нами, и губы ее беззвучно шевелились: она репетировала приветственную речь.

Остальных девушек я почти не знала. Они были не из Дверника. Все молчали, все чувствовали себя неловко в парадных платьях, с заплетенными волосами; все не спускали глаз с дороги. Дракон еще не показался. В голове моей бродили

дикие фантазии. Я представляла себе, как заслоню собою Касю, едва Дракон появится, и скажу ему: «Забирай меня!» – или так прямо и заявлю ему, что Кася к нему не хочет. Но я понимала: ни на то, ни на другое смелости мне неостанет.

И тут Дракон появился – страх, да и только! Прибыл он вовсе не по дороге, а просто взял да и вышел из воздуха. Я как раз смотрела в нужную сторону: сперва из ниоткуда показались пальцы, затем рука, нога и половина человека – это было настолько немыслимо, настолько неправильно, что я даже отвернуться не смогла, хотя желудок мой складывался гармошкой. Остальным повезло больше. Они его даже не замечали – до тех пор, пока Дракон не шагнул к нам; тут-то все так и вздрогнули от изумления, хотя и попытались сделать вид, что ничего такого не происходит.

Дракон не походил ни на кого из наших. Ему давно полагалось состариться, поседеть и сгорбиться – ведь он прожил в своей башне целых сто лет, – а он был высоким, стройным, безбородым, с гладкой кожей. Столкнувшись с ним на улице, я бы приняла его за юношу немногим старше себя: за одного из тех, кому я могла бы поулыбаться через праздничный стол, кто мог бы пригласить меня потанцевать. Но в лице его ощущалось что-то неестественное: в уголках его глаз затаились морщинки, как будто годы его затронуть не могли, а вот усталость – да. Никто не назвал бы это лицо некрасивым, но от него веяло холодом – и потому оно казалось неприятным. Все в Драконе словно говорило: я не такой как вы, и не хочу иметь с вами ничего общего.

Само собой, разодет он был богато; его парчовый жупан стоил столько, что на эти деньги целая семья могла бы кормиться весь год (и это даже без золотых пуговиц). Но он был так тощ, словно на полях его случался неурожай три года из четырех. Он держался чопорно и неприступно и прямо-таки вибрировал энергией, как настоженный охотничий пес, – похоже, ему не терпелось поскорее отбыть. Это был худший день в нашей жизни, но он не имел к нам снисхождения, мы, видно, его только раздражали, и когда наша старица Данка поклонилась и промолвила: «Господин, позволь представить тебе этих...» – Дракон перебил ее: «Да, давайте уже приступим».

Теплая рука отца легла мне на плечо: встав рядом со мною, отец поклонился. С другой стороны мать крепко стиснула мою ладонь. Они неохотно отошли назад вместе с остальными родителями. Все одиннадцать девушек непроизвольно придвинулись друг к другу. Мы с Касей стояли почти в самом конце шеренги. Я не смела взять ее за руку, но я стояла так близко, что наши плечи чуть

соприкасались. Я не сводила глаз с Дракона и ненавидела его всей душой – о, как ненавидела! – пока он шел вдоль ряда и приподнимал лицо каждой девушки за подбородок, чтобы рассмотреть получше.

Ни с кем из нас он не заговаривал. Он ни слова не сказал ольшанской девушке рядом со мною – а ведь Борис, ее отец, слыл лучшим коневодом в долине, она щеголяла в ярко-алом шерстяном платье, ее черные волосы, заплетенные в две длинные роскошные косы, были перевиты алыми лентами. Когда очередь дошла до меня, Дракон, нахмурившись, скользнул по мне взглядом – черные глаза что лед, бледные губы поджаты – и бросил:

– Твое имя, девушка?

– Агнешка, – произнесла я, или по крайней мере попыталась произнести. Во рту у меня пересохло. Я сглотнула. – Агнешка, господин, – повторила я шепотом. Лицо у меня горело. Я опустила глаза и обнаружила, что, несмотря на все мои старания, на подоле юбки расплзаются три здоровенных пятна: я все-таки умудрилась забрызгаться грязью.

Дракон двинулся дальше. Вот он остановился и воззрился на Касю – ни перед кем другим он не задерживался так долго. Он просто стоял, держа ее за подбородок, его тонкие жестокие губы изгибались в тонкой одобрительной усмешке, а Кася храбро смотрела на него и даже не дрогнула. Не пытаюсь изменить голос, чтобы он зазвучал хрипло или пискляво – как угодно, только не ровно и певуче, она ответствовала:

– Кася, господин.

Дракон снова улыбнулся ей – не приветливо, нет; так улыбается сытый кот. До конца шеренги он дошел быстро, без всякого интереса взглянул на двух последних девушек. Я слышала, как позади нас Венса не то вдохнула, не то всхлипнула: Дракон развернулся и снова подошел к Касе, глядя по-прежнему одобрительно. А затем вновь нахмурился, оборотился и посмотрел прямо на меня.

Я все-таки забылась и взяла Касину ладонь в свою. Я стискивала ее все крепче, до боли; она в ответ сжимала мою. Вдруг она выпустила мои пальцы, а я в страхе сцепила руки перед собою. Щеки мои горели. Дракон, сощурившись,

снова оглядел меня с головы до ног. А затем взмахнул рукою – и в пальцах его образовался крохотный сгусток сине-белого пламени.

– Она не нарочно, – вступилась Кася, храбрая, такая ужасно-преужасно храбрая, храбрее, чем была я ради нее. Голос ее дрожал, но звучал вполне внятно, а я тряслась как кролик, не сводя глаз с огонька. – Пожалуйста, господин...

– Молчи, девушка, – оборвал ее Дракон и протянул мне руку. – Вот, возьми.

– Я... что? – Если бы он швырнул сгусток пламени мне в лицо, я и то бы так не опешила.

– Да не стой столбом как идиотка! – рявкнул он. – Возьми, говорю!

Моя рука дрожала крупной дрожью, поэтому я поневоле задела его пальцы, неохотно попытавшись забрать из них огонек: от его кожи исходил лихорадочный жар. А вот сгусток пламени оказался прохладным как мраморный шарик: никакой боли я не почувствовала. Не помня себя от облегчения, я держала огонек в ладони, не сводя с него глаз. А Дракон с досадой глядел на меня.

– Что ж, – неприветливо обронил он, – значит, ты, я полагаю. – Он забрал у меня сгусток пламени и на мгновение сжал его в кулаке; огонек исчез так же быстро, как появился. Дракон обернулся и приказал Данке: – Дань доставите в башню как только сможете.

Я все еще не понимала. Наверное, никто ничего не понял, даже мои родители; все произошло слишком быстро, а я была слишком потрясена тем, что вообще привлекла его внимание. Я не успела даже обернуться и попрощаться напоследок, как Дракон уже взял меня за запястье. Встрепенулась одна только Кася: я оглянулась на нее, она протестующе потянулась было ко мне, и тут Дракон нетерпеливо и грубо рванул меня к себе, я споткнулась, пошатнулась – и он втащил меня за собою в пустоту.

Когда мы вновь вышли из воздуха, вторую руку я прижимала ко рту: меня тошнило. Едва он выпустил мое запястье, я рухнула на колени, и меня вывернуло наизнанку, – я даже не посмотрела, где оказалась. Дракон пробормотал что-то нелестное – я умудрилась забрызгать длинный изящный

носок его кожаного сапога – и коротко бросил:

– Что за бестолочь! Хватит блевать, девчонка, приberi это безобразие! – Дракон отошел от меня, гулко цокая каблуками по плитам, и исчез.

Я подождала еще немного, дрожа всем телом, пока не убедилась, что желудок совсем пуст, а затем вытерла губы тыльной стороной ладони, подняла голову и огляделась. Я лежала на каменном полу, а камень-то непростой – чистый белый мрамор с ярко-зелеными прожилками! Комнатка была маленькая, круглая, с узкими прорезями окон, расположенными слишком высоко, чтобы в них выглянуть, а над моей головой потолок резко изгибался внутрь. Меня занесло на самый верх башни.

Мебели в комнатке вообще не было; не нашлось и ничего такого, чем можно вытереть пол. В конце концов я воспользовалась собственной юбкой: она все равно уже запачкалась. Я посидела там еще немного: с каждой минутой мне становилось все страшнее и страшнее, но ровным счетом ничего не происходило, так что со временем я встала и робко вышла в прихожую. Я бы предпочла выбраться из этой комнаты любым путем, лишь бы не тем, которым ушел он. Но другого пути не нашлось.

К счастью, Дракон уже куда-то делся. Небольшая прихожая была пуста. Под ногами поблескивал все тот же холодный и твердый мрамор, озаренный бледным неприветным светом подвесных светильников. Вообще-то светильники были не настоящие: просто крупные глыбы прозрачного полированного камня, мерцающие изнутри. Дверь обнаружилась только одна; и еще арка в конце прихожей, а за аркой – лестница.

Я толкнула дверь и опасливо заглянула внутрь: все лучше, чем пройти мимо и так и не узнать, что там. Но внутри обнаружилась всего-то-навсего крохотная пустая комнатка с узкой кроватью, маленьким столиком, умывальником и с огромным окном в стене напротив. За ним синело небо. Я подбежала к окну и перегнулась через подоконник.

Башня Дракона стояла в предгорьях на западной границе его земель. К востоку протянулась наша длинная долина с ее деревушками и фермами; в окно хорошо просматривалась Веретенка – от начала и до конца: серебристо-синяя река бежала посреди долины, а вдоль нее тянулся пыльный бурый тракт. Река и тракт

доходили до противоположного конца Драконовых владений, ныряли в рощи и снова появлялись у деревень, пока дорога, постепенно сужаясь, не сходила на нет прямо перед черной громадой непролазной Чащи. Река, оставшись одна, исчезала в ее сумрачной глубине – и больше уже не появлялась.

А вот и Ольшанка, ближайший к башне город. Там по воскресным дням бывает Большая Ярмарка: отец возил меня туда целых два раза. А за Ольшанкой – Поньец, рядом – Радомско угнездился на берегу небольшого озерца, а вот и мой родной Дверник с его широкой зеленой лужайкой. Я различала даже огромные белые столы, накрытые для пиршества, на которое Дракон остаться не изволил. Я соскользнула на колени, уперлась лбом в подоконник и разревелась как ребенок.

Но мама не пришла и не погладила меня по голове; отец не поднял меня с пола и не рассмешил, чтоб слезы высохли сами. Я рыдала и рыдала, пока голова не разболелась так, что плакать уже никаких сил не было; кроме того, я промерзла насквозь и вся одеревенела, просидев так долго на мучительно твердом полу; из носу у меня текло, а высморкаться было не во что.

Я высморкалась в подол с другой стороны и присела на кровать, пытаюсь придумать, что теперь делать. Комната была пуста, хорошо проветрена и опрятна – как будто обитательница ее только что ушла. Наверное, так оно и было. Какая-то другая девушка прожила тут десять лет одна-одинешенька, глядя сверху вниз на долину. А теперь она уехала домой, чтобы навсегда попрощаться с семьей, и ее комната перешла ко мне.

На стене напротив кровати висело единственное полотно в золоченой раме. Странное какое-то: слишком уж великолепное для такой крохотной комнатки, да и вообще никакая не картина – просто широкая бледно-зеленая полоса, серовато-бурая по краям, и лишь одна сверкающая сине-серебряная линия вьется по центру плавными изгибами, а в нее, отходя от краев, вливаются серебряные линии потоньше. Я уставилась на картину во все глаза, гадая, не волшебная ли она. Я таких в жизни не видела.

Вдоль серебряной полоски тут и там на определенном расстоянии друг от друга были нарисованы кружочки – и спустя мгновение я осознала, что на картине изображена долина – только расплющенная: так, вероятно, ее видит птица с вышины. Серебряная линия – это же Веретенка, что бежит с гор к Чаще, а кружочки – деревни. Яркие цвета слепили взгляд, глянцевитая краска бугрилась

крохотными пупырышками. Казалось, я различаю волны на реке и отблески солнечного света на поверхности воды. Картина притягивала глаз: мне хотелось смотреть и смотреть на нее не отрываясь. При этом она мне не нравилась. Она была словно коробочка, в которую втиснули живую долину – втиснули и закрыли наглухо; глядя на нее, я и сама чувствовала себя узницей.

Я отвернулась. Похоже, в комнате я долго не просижу. За завтраком я крошки не съела, да и за ужином накануне вечером тоже – еда казалась мне на вкус что зола и пепел. А теперь, когда со мной произошло нечто гораздо худшее, чем все, что я себе навоображала, аппетиту полагалось пропасть вовсе – но нет, я прямо-таки умирала с голоду. Слуг в башне нет, так что поесть мне никто не принесет. И тут мне в голову закралась страшная мысль: а вдруг Дракон ждет, чтобы обед ему сготовила я?!

Следом пришла мысль еще страшнее: а что случится после обеда? Кася всегда говорила, будто верит возвратившимся женщинам: что Дракон-де их в самом деле и пальцем не тронул. «Он же девушек забирает вот уже сто лет, – твердила она. – Хоть одна да проболталась бы, а тогда уж молва разнеслась бы по всей округе».

Но несколько недель назад Кася потихоньку попросила мою мать рассказать ей, как оно бывает, когда девушка выходит замуж – рассказать все то, что ей объяснила бы ее собственная мать вечером накануне свадьбы. Я как раз возвращалась из лесу и случайно услышала под окном их разговор, и, что уж там, дослушала до конца, и по лицу моему струились горячие слезы – я злилась, так злилась и негодовала, сочувствуя Касе.

А теперь на ее месте окажусь я. А я вовсе не храбрая; я наверняка не сумею дышать глубоко и не зажиматься – мама объясняла Касе, что так надо, а то будет больно. На одно жуткое мгновение я вдруг представила лицо Дракона совсем рядом с моим – еще ближе, чем когда он рассматривал меня, прежде чем сделать выбор, – черные глаза холодно поблескивают словно камень, а железные пальцы, до странности теплые, стягивают с меня платье, а сам он улыбается этой своей лощеной, довольной улыбкой, глядя на меня сверху вниз. А что, если он весь такой же лихорадочно-жаркий и обожжет меня своим телом как тлеющий уголь, когда навалится на меня и...

Содрогнувшись, я прогнала эти мысли и встала. Покосилась на кровать, оглядела тесную комнатушку – нет, спрятаться здесь негде. А затем выбежала

обратно в прихожую. В конце прихожей начиналась лестница: она крутой спиралью уходила вниз, так что я видеть не видела, что там за следующим поворотом. Испугаться лестницы – что может быть глупее? – но я и впрямь не помнила себя от страха. Я чуть было не вернулась в комнату. Наконец, одной рукой держась за гладкую каменную стену, я стала медленно спускаться вниз, вставая обеими ногами на каждую следующую ступеньку и чутко прислушиваясь, прежде чем продвинуться еще хоть на шаг.

После того как я преодолела так целый пролет и ничего на меня не выпрыгнуло, я почувствовала себя полной дурой и пошла быстрее. Но вот я миновала следующий пролет, и еще один, а лестничной площадки так и не обнаружилось, и я снова испугалась – на сей раз того, что лестница эта магическая и вообще никогда не закончится, и... Я зашагала быстрее, еще быстрее, и еще, поскользнулась, съехала по последним трем ступенькам до следующей площадки – и на полном ходу врезалась в Дракона.

Я уродилась тощая, кожа да кости, но мой отец ростом превосходил всех односельчан, а я вымахала ему до плеча, а Дракон был ну не то чтобы великаном. Вместе мы чуть не скатились вниз по лестнице. Но Дракон успел-таки ухватиться одной рукой за перила, а другой поддержал меня, так что мы оба все-таки устояли и не приземлились на пол. Всей своей тяжестью я навалилась на него, вцепилась в его платье и утонула прямо в его ошарашенную физиономию. В первое мгновение он слишком удивился, чтобы сразу собраться с мыслями; сейчас он выглядел как самый обыкновенный человек, которого застали врасплох, то есть глуповато и немножко растерянно: губы его приоткрылись, глаза округлились.

Я сама так удивилась, что не могла и пошевелиться – просто беспомощно гладела на него, разинув рот. Но Дракон быстро пришел в себя: лицо его исказилось от негодования, он резко оттолкнул меня и рывком поставил на ноги. Осознав, что я натворила, я в панике выпалила, предвосхищая его вопрос:

– Я ищу кухню!

– Да неужели?! – вкрадчиво произнес Дракон. Лицо его уже не казалось мягким и растерянным, оно посуровело от ярости, но мою руку он не выпустил. Пальцы его до боли впились в мое предплечье: я ощущала их жар даже сквозь рукав сорочки. Он рванул меня к себе и наклонился ближе: думаю, он предпочел бы грозно воззриться на меня сверху вниз, но, не имея такой возможности,

рассердился еще больше. Будь у меня секунда все обдумать, я бы отпрянула назад и съежилась, постаравшись казаться меньше, но я слишком устала и слишком перепугалась. И вот лицо его придвинулось вплотную к моему – так близко, что я ощущала на губах его дыхание, и не столько услышала, сколько почувствовала его холодный, ядовитый шепот: – Так не проводить ли тебя туда?

– Я могу... я могу... – дрожа, пролепетала я, пытаюсь отстраниться.

Дракон резко развернулся и потащил меня за собою вниз по лестнице: виток, еще виток, и еще – к тому времени, как мы добрались до следующей площадки, мы миновали пять пролетов, а потом еще три. Свет делался все более тусклым. Наконец Дракон выволок меня на нижний этаж башни – в огромное подземелье (никаких других помещений там не было) с голыми каменными стенами, с громадным очагом в форме рта с опущенными вниз уголками. В очаге плясало адское пламя.

Дракон подтащил меня к очагу, и меня захлестнул слепой ужас: да он же собирается бросить меня в огонь! Маг был силен, гораздо сильнее, чем могло показаться при его росте, он играючи волок меня за собою вниз по лестнице. Но дешево продавать свою молодую жизнь я не собиралась. Я ж не смиренная тихоня: сколько себя помню, я бегала по лесам, лазала по деревьям и продиралась через ежевику; паника придавала мне сил. Едва Дракон потянул меня ближе к огню, я завопила и принялась отбиваться, царапаться и вырываться, и на сей раз и впрямь опрокинула его на пол.

Я упала вместе с ним. Мы одновременно стукнулись головами о каменные плиты и, оглушенные, секунду лежали неподвижно, перепутавшись руками-ногами. Рядом плясали и потрескивали языки пламени. По мере того как паника отступала, я вдруг заметила, что в стене рядом вделаны небольшие железные заслонки, и тут же – вертел для жарки, а над ним – широкая вместительная полка, заставленная горшками и котелками. Да это же просто кухня!

Спустя мгновение Дракон произнес, словно бы дивясь:

– Ты ненормальная?

– Я подумала, ты собираешься бросить меня в печь, – оторопело объяснила я – и внезапно расхохоталась.

Нет, весело мне не было – я была в истерике, измочаленная, изголодавшаяся, лодыжки и колени все в синяках после того, как Дракон грубо протащил меня вниз по лестнице; а голова болела так, словно череп треснул. Я просто ничего не могла с собой поделать.

Но Дракон-то этого не знал. Знал он только то, что выбранная им деревенская дурочка потешается над ним – над Драконом, над величайшим чародеем королевства, над своим господином и повелителем! Не думаю, что за последние сто лет над ним смеялся хоть кто-нибудь. Он приподнялся, пинком оттолкнул мои ноги, высвободившись, встал и воззрился на меня сверху вниз как рассерженный кот. А я лишь заливалась смехом – все громче и громче. Дракон постоял так немного, резко развернулся на каблуках и ушел, оставив меня валяться на полу и хохотать, – видимо, просто не придумал, что еще со мной делать.

Когда он ушел, хихиканье постепенно сошло на нет, и я вдруг осознала, что мне уже не так страшно и не так пусто в груди. В конце концов, он же не швырнул меня в огонь и даже не ударил. Я поднялась на ноги и огляделась. Поначалу я вообще ничего не увидела: очаг пылал слишком ярко, а других источников света не было. Но, встав спиной к очагу, я постепенно рассмотрела просторное помещение, поделенное на ниши, с низкими стенами, с полками, где рядами выстроились блестящие стеклянные бутылки – вино, догадалась я. Мой дядя однажды принес одну такую в дом моей бабушки, на праздник Зимнего солнцеворота.

И сколько ж всего здесь хранилось! Куда ни глянь – бочонки с яблоками, переложенными соломой, мешки с картошкой, морковью и пастернаком; длинные заплетенные косицы лука... На столе посредине кухни я обнаружила книгу, незажженную свечу, чернильницу и перо. Книга оказалась приходно-расходной: кто-то вел подробный учет всех припасов – ровным, решительным почерком. Внизу первой страницы обнаружилась крохотная приписка. Я зажгла свечу, наклонилась поближе и, только сощурившись, смогла разобрать слова:

«Завтрак в восемь, обед в час, ужин в семь. Накрывай на стол в библиотеке за пять минут до назначенного часа, и тебе вообще не придется с ним – не нужно уточнять с кем – видеться весь день. Мужайся!»

Бесценный совет! А это «Мужайся!» – все равно что касание дружеской руки. Я крепко прижала к себе книгу, впервые за весь день почувствовав себя не так одиноко. Дело шло к полудню, а Дракон в деревне не поел, так что я принялась застряпню. Готовила я не ахти, но мать от меня не отступалась, пока я не научилась хоть чему-то. Притом фрукты, ягоды, овощи и все такое для нашего стола собирала я, так что я отличала свежее от гнилья и всегда могла сказать, сладок плод или нет. Но с таким количеством припасов я в жизни дела не имела; тут были даже выдвижные ящички с пряностями, которые благоухали как пирог, испеченный ко дню Зимнего солнцеворота, и еще бочонок, доверху полный свежей и мягкой серой соли.

В конце кухни обнаружился закуток, где, как ни странно, царил холод: там висели мясные туши – целый олень и два крупных зайца; и еще притулился устланный соломой ящик с куриными яйцами. На очаге лежала свежесыпеченная буханка хлеба, завернутая в тряпицу, и тут же стоял горшок, а в нем – кролик, тушенный с гречкой и мелким горохом. Я попробовала – да это блюдо хоть для праздничного стола, присоленное и чуть сладковатое, оно прямо тает во рту – еще один подарок от неведомой руки, оставившей приписку в книге.

Такие яства я стряпать вообще не умела и с замирающим сердцем подумала – а ведь Дракон наверняка ожидает всяких разносолов. Я была отчаянно благодарна той, что загодя приготовила крольчатину. Я поставила горшок разогреваться на полку над огнем – ну, плеснула немного на платье, велика беда! – задвинула в печь два яйца, нашла поднос, чашу, тарелку и ложку. Как только кролик был готов, я переставила горшок на поднос и нарезала хлеб – не нарезать было никак нельзя, потому что я отломила горбушку и жадно сжевала ее между делом, – и выложила на тарелочку масло. Я даже запекла яблоко с пряностями: мама научила меня этому рецепту для нашего воскресного ужина зимой, а здесь было столько печей, можно и сладкое состряпать, пока все остальное готовится. Когда я составила все на поднос, я даже немножко загордилась собою: все вместе выглядело прямо как праздничный пир, пусть и странный – только на одного человека.

Я взяла в руки поднос и со всей осторожностью двинулась вверх по лестнице. Я слишком поздно осознала, что понятия не имею, где находится библиотека. Если бы я дала себе труд подумать, то сообразила бы, что уж точно не на нижнем этаже – так оно и оказалось, но я-то это выяснила лишь после того, как с подносом в руках обошла громадный круглый зал с окнами, задернутыми

шторами, и с массивным, похожим на трон креслом у стены. В дальнем конце зала обнаружилась дверь, а за ней – всего-навсего передняя и громадные ворота башни, в три раза выше меня, запертые на тяжеленный деревянный засов в железных скобах.

Я развернулась, прошла через весь зал обратно к лестнице и поднялась на еще один пролет: там мраморный пол был застелен мягкой пушистой тканью. Ковров я никогда в жизни не видела. Вот, значит, почему я не услышала шагов Дракона тогда, на ступенях. Я опасливо прокралась через прихожую и заглянула в первую дверь. И тотчас же отпрянула: комнату загромождали длинные столы, там стояли странные бутылки, побулькивали зелья и посверкивали невиданные искры таких оттенков, какие в очагах не рождаются; здесь мне и на лишнюю секунду задерживаться не хотелось. Но я все равно как-то умудрилась зацепиться платьем за дверь и порвать юбку.

Наконец следующая дверь в противоположном конце прихожей открылась в помещение, полное книг: деревянные полки от пола до потолка были набиты ими битком. Здесь пахло пылью, а свет проникал внутрь лишь сквозь несколько узких окон. Я ужасно обрадовалась, что нашла-таки библиотеку, и поначалу даже не заметила Дракона: он сидел себе в массивном кресле, а на небольшом столике перед ним лежала книга, да такая огромная, что каждая ее страница была длиной с мое предплечье; с ее обложки свисал тяжелый золотой замок.

Я застыла на месте, не сводя глаз с Дракона: ощущение было такое, словно благой совет из книги обернулся предательством. Я отчего-то решила, что Дракон услужливо денется куда-нибудь до тех пор, пока я наконец не подам на стол. Он на меня не взглянул – даже головы не поднял! – но вместо того, чтобы тихонько пройти с подносом к столу в центре комнаты, расставить все для трапезы и улизнуть, я замешкалась в дверях и пролепетала:

– Я... я обед принесла. – Очень уж мне не хотелось входить без приглашения.

– Да ну? – язвительно осведомился Дракон. – И по пути ни в одну яму не свалилась? Я потрясен. – Только тогда он вскинул на меня глаза и нахмурился: – Или все-таки свалилась?

Я оглядела себя. На юбке осталось огромное безобразное пятно от рвоты – я как смогла отчистилась на кухне, но след не сошел – и еще одно, там, где я

высморкалась в подол. Вдобавок я в трех-четырех местах заляпалась тушеной крольчатинной, ну и забрызгалась грязной водой из мойки, пока надраивала горшки. Подол еще с утра изгваздался в грязи и потом в нескольких местах продрался, сама не знаю как. Матушка заплела мне косу, уложила ее кольцом вокруг головы и зашпилила шпильками, но прическа давно сбилась на сторону, и теперь на шее болтался громадный спутанный узел волос.

Мудрено ли, что до сих пор я ничего не замечала; для меня-то ведь это все в порядке вещей, вот только платье на мне больно нарядное под всем этим безобразием.

- Я же... я готовила и мыла... - попыталась объяснить я.

- Если в этой башне и нужно что-то отмыть, так в первую очередь тебя, - откликнулся Дракон.

Да, он был прав - но как же жесток! Я вспыхнула и, не поднимая головы, подошла к столу. Расставила все как надо, оглядела труды рук своих и убито осознала, что пока я блуждала по башне, остыло все, кроме масла, которое растеклось по тарелке противной жидкой лужицей. Даже мое чудесное печеное яблочко заветрилось.

Я в ужасе глядела на еду, пытаюсь понять, что делать: отнести все назад? Или, может, ему все равно? Я обернулась и чуть не вскрикнула: Дракон стоял за моей спиной и через мое плечо рассматривал принесенные блюда.

- Теперь понимаю, почему ты испугалась, что я тебя, чего доброго, изжарю, - промолвил он, нагибаясь, подцепил ложкой тушеное мясо из-под слоя застывшего жира и с отвращением вывалил обратно. - Даже из тебя обед бы получился получше.

- Стряпуха я не ахти какая... - начала было я, пытаюсь объяснить, что я не так уж и безнадежна, просто заблудилась в башне. Но Дракон фыркнул и перебил меня на полуслове.

- Ты вообще хоть что-нибудь умеешь? - с издевкой спросил он.

Если бы только меня нарочно обучали прислуживать и я всерьез думала, что выбрать могут меня, то, вероятно, подготовилась бы получше. Если бы я не была такая усталая и разнесчастная, если бы я не испытала малую толику гордости за себя там, в кухне; если бы он не попрекнул меня за то, что я неряха – да меня все близкие этим попрекали, но по-доброму, а не со злобой, как он, – если бы хоть что-нибудь из этого случилось по-другому и если бы я только не столкнулась с ним тогда на лестнице и не убедилась, что в огонь он меня кидать не собирается, – я, наверное, просто покраснела бы и убежала.

Вместо того я в сердцах грохнула подносом об стол и закричала:

– Вот и нечего было меня забирать! Выбрал бы Касю!

Я тут же в ужасе прикусила язык, устыдившись сама себя. Я уже собиралась открыть рот и взять свои слова обратно, попросить прощения, объяснить, что ничего такого я не думала, что я вовсе не имела в виду, будто он должен пойти и забрать Касю вместо меня; что я сей же миг побегу сготовлю ему новый обед...

– Кого? – досадливо переспросил Дракон.

– Да Касю же! – изумленно откликнулась я. Дракон поглядел на меня так, как будто я только что дала ему новые доказательства своего слабоумия, и я в замешательстве позабыла все свои благородные намерения. – Ты же собирался забрать ее! Она... она умница, она храбрая, она замечательно готовит и...

С каждой секундой Дракон раздражался все больше.

– Да, – перебил он меня, – припоминаю ту девицу: и лицо у нее не лошадиное, и на чучело не похожа, и, надо думать, сейчас бы со мною не скандалила. Довольно! Вы, деревенщины, поначалу все утомительны, более или менее, но ты, похоже, воистину редкостный образец бестолковости!

– Стало быть, тебе вовсе незачем держать меня тут! – яростно выкрикнула я, не на шутку задетая: «лошадиное лицо» прозвучало ужасно обидно.

– К вящему моему сожалению, здесь ты заблуждаешься, – откликнулся он.

Дракон ухватил меня за запястье и резко развернул лицом к столу; а затем, встав за моей спиной, протянул мою руку над едой.

– Лиринталем, – произнес он. Странное слово заструилось у него с языка и резким звоном отозвалось у меня в ушах. – Повтори вместе со мною.

– Что? – переспросила я. Я такого слова в жизни не слышала. Но Дракон придвинулся еще ближе, наклонился к самому моему уху и страшным шепотом приказал:

– Повтори!

Я задрожала и, желая только одного – чтобы он меня выпустил, – произнесла вместе с ним: «Лиринталем» – пока Дракон удерживал мою руку над накрытым столом.

Воздух над тарелками всколыхнулся, подернулся зыбью – жуткое зрелище, как будто весь мир был для Дракона прудом, куда можно швырять камешки. Когда же волнение утихло, еда преобразилась до неузнаваемости. Вместо запеченных яиц появилась жареная курица; вместо горшка с тушеным кроликом – горка свежих весенних бобов, что сошли уже семь месяцев как; вместо печеного яблока – яблочная тарталетка: золотистые ломтики нарезаны тоньше бумаги, украшены крупными изюминами и залиты медовой глазурью.

Дракон выпустил мою руку. Лишившись поддержки, я пошатнулась и судорожно ухватилась за край стола. В легких иссяк воздух, как будто кто-то всей тяжестью плюхнулся мне на грудь; я была выжата как лимон. Перед глазами заплясали звезды, я согнулась вдвое, теряя сознание. Словно в тумане я видела: Дракон разглядывает поднос и как-то странно хмурится, словно и удивлен, и раздосадован одновременно.

– Что ты со мною сделал? – прошептала я, когда вновь смогла дышать.

– Хватит ныть, – пренебрежительно бросил Дракон. – Это всего-навсего простенький заговор, и ничего больше.

От удивления его уже и следа не осталось. Дракон уселся за трапезу и махнул рукой в сторону двери:

– Ладно, ступай. Вижу, ценного времени на тебя придется потратить немало, но на сегодня, пожалуй, хватит.

Я с радостью повиновалась. Я не стала пытаться забрать поднос, просто медленно побрела прочь из библиотеки, прижимая руку к груди. Ноги у меня все еще подгибались от слабости. Мне понадобилось целых полчаса, чтобы дотащить по лестнице на верхний этаж; я вошла в комнатушку, захлопнула дверь, придвинула к ней комод и рухнула на кровать. Если Дракон и подходил к двери, пока я спала, я ничего не слышала.

Глава 2

В течение следующих четырех дней Дракона я не видела. Я дневала и ночевала в кухне: нашла там несколько поваренных книг и перепробовала все рецепты до единого, отчаянно пытаюсь научиться готовить лучше всех на свете. В кладовой запасов было достаточно, порти – не хочу; если какое-то блюдо мне не удавалось, я съедала его сама, вот и все. Я последовала доброму совету и подавала на стол ровно за пять минут до назначенного часа, накрывала крышками тарелки и блюда и убегала подобру-поздорову. Теперь, приходя в библиотеку, Дракона я там больше не заставляла, меня это устраивало, да и Дракон не жаловался. В своей комнате в сундуке я нашла кой-какую домотканую одежку, которая мне худо-бедно подошла: вот только юбка едва прикрывала колени, а руки по локоть торчали из рукавов, и подпоясываться приходилось потуже, но зато я была опрятна как никогда.

Мне совсем не хотелось угождать Дракону, но я задалась целью не дать ему проделать такое со мною еще раз – хватит с меня заклинаний! Я просыпалась по четыре раза за ночь, ощущая слово «лиринталем» на губах, чувствуя его вкус во рту, словно ему там самое место, и еще – раскаленно-горячие Драконовы пальцы на своем предплечье.

Опаска и труд – не самые плохие товарищи. И уж всяко лучше, чем одиночество и глубинные страхи, из которых самые худшие, как я знала, наверняка сбудутся:

еще целых десять лет я не увижу отца с матерью, и больше мне уже не жить в родном доме, не бегать на воле по лесам; какая бы уж там могущественная алхимия ни действовала на Драконовых девушек, скоро она и меня подчинит себе и превратит в кого-то, кого я и сама в конце концов не узнаю. По крайней мере, пока я орудовала ножом у очага, изнемогая от жара, для лишних мыслей времени не оставалось.

Спустя несколько дней, когда я поняла, что Дракон вовсе не собирается применять ко мне жуткое заклинание за каждой трапезой, я перестала стряпать как одержимая. Но тогда я обнаружила, что больше мне заняться нечем, даже если нарочно искать себе работы. Башня была огромная, но прибираться в ней не требовалось: ни пылинки не оседало в углах подоконников – и даже на крохотных резных виноградных лозах раззолоченной рамы.

Картина-карта в моей комнате мне по-прежнему не нравилась. Ночами мне чудилось, будто от нее доносится тихое журчание, словно вода утекает по желобу, и каждый день она красовалась там, на стене, во всем своем вопиющем великолепии, и властно притягивала мой взгляд. Сердито на нее зыркнув, я спустилась вниз. Высыпала в погреб репу из мешка, мешок разорвала по швам и завесила картину мешковиной. Теперь, когда роскошную позолоту удалось прикрыть, в комнате тотчас же сделалось уютнее.

Остаток утра я снова просидела у окна, глядя на долину и изнывая от одиночества и тоски. Был самый обычный рабочий день; мужчины собирали в полях урожай; женщины стирали у реки. Даже Чаща показалась мне почти родной: громадная глухая стена непроглядной черноты, неизменная в своем постоянстве. На нижних склонах гор в северном конце долины паслось многочисленное стадо овец, принадлежащее Радомско: оно походило на блуждающее белое облако. Я понаблюдала за овцами, немного поплакала, но даже горю положен предел. К обеду я страшно соскучилась.

Моя семья была не богата и не бедна; в доме у нас хранилось целых семь книг. Я-то прочла только четыре; едва ли не каждый день своей жизни я проводила под открытым небом, даже в дождь и даже зимой. Ну да теперь у меня особого выбора не осталось, так что, когда я в тот день относила поднос в библиотеку, я оглядела полки. Если я и одолжу на время книжку, что в том дурного? Другие девушки библиотекой наверняка пользовались – когда они уезжали из башни, все наперебой твердили, какие они начитанные.

Так что я храбро подошла к полке и вытащила книгу, которая просто-таки взывала: возьми меня! Роскошный переплет из блестящей, пшеничного оттенка кожи мягко поблескивал в свете свечей и смотрелся богато и маняще. Вытащив фолиант, я на миг засомневалась: он оказался куда больше и тяжелее, нежели книжицы в моем родном доме; и кроме того, обложку покрывали великолепные золотые узоры. Но никакого замка на ней не было, так что я унесла добычу в свою комнату, чувствуя себя немного виноватой и пытаюсь убедить себя, как это ужасно глупо.

Я открыла книгу – и почувствовала себя еще глупее: я ничегошеньки не понимала. И не то чтобы я не знала этих слов или их значения; я понимала каждое слово, что я прочла на первых трех страницах; и тут я оторвалась от книги и задумалась: а про что все это было? Ответить на свой вопрос я не смогла: я понятия не имела, о чем только что читала.

Я вернулась к первой странице и снова была совершенно уверена, что все понимаю и что все, о чем тут говорится, исполнено глубокого смысла – более того, все казалось правдивым и истинным, будто я всегда это знала и просто не облекала прежде в слова; как будто книга ясно и четко объясняла то, чего я никогда не понимала. Я довольно кивала, благополучно продвигалась дальше – и на сей раз добралась аж до пятой страницы, когда опять осознала, что никому не сумела бы пересказать, что было в начале или, если на то пошло, даже страницей раньше.

Я обиженно воззрилась на книгу, опять открыла ее на первой странице и начала читать вслух, по одному слову за раз. Слова пели как птицы, срываясь с моих губ, – дивные и прекрасные, – и таяли как засахаренные фрукты. Мне по-прежнему никак не удавалось удержать в голове их последовательность, но я продолжала замороженно читать, – и тут дверь с грохотом распахнулась.

К тому времени я уже перестала задвигать дверь мебелью. Я сидела на кровати, которую переставила к окну, чтобы света было больше, а прямо напротив меня, в обрамлении дверного проема стоял Дракон. Я так и застыла, открыв рот – читать я, понятное дело, перестала. Дракон не помнил себя от ярости. Грозно сверкая глазами, он простер руку и произнес:

– Туалидетал.

Книга рванулась у меня из рук, пытаюсь улететь через всю комнату к нему. Я машинально вцепилась в обложку: сама не знаю, что на меня нашло! Книга забила, пытаюсь высвободиться, но я с каким-то дурацким упрямством резко дернула ее на себя – и крепко прижала к груди. Дракон изумленно глядел на меня, разъяряясь все больше. Он вихрем пронесся через тесную комнатку, пока я с запозданием пыталась подняться на ноги и отступить, да только податься было некуда. Не успела я и глазом моргнуть, как он уже навис надо мною и толкнул обратно на подушки.

– Итак, – вкрадчиво промолвил он, рукой надавливая мне на ключицу и с легкостью притискивая к кровати. Сердце мое неистово колотилось где-то между грудиной и спиной, каждый удар сотрясал все мое существо. Дракон отобрал у меня книгу – у меня хотя бы хватило ума не цепляться за нее снова – и одним неуловимым движением отшвырнул ее на столик.

– Агнешка, значит? Агнешка из Дверника.

Похоже, он ждал ответа.

– Да, – прошептала я.

– Агнешка, – пробормотал он, склоняясь ко мне. Неужто вздумал меня поцеловать? Я холодела от ужаса – и все-таки какая-то часть моего существа, пожалуй, хотела, чтобы это наконец произошло и мне не нужно было бы больше бояться. Но целовать он меня вовсе не стал. Дракон придвинулся так близко, что в зрачках его я различала отражение собственных глаз, и промолвил:

– А скажи-ка мне, милая Агнешка, откуда ты на самом деле? Тебя подослал Сокол? Или, может статься, сам король?

До сих пор я в ужасе глядела на его губы; теперь я вскинула глаза:

– Я... что?

– Я ведь все равно все узнаю, – заверил он. – Какое бы искусное заклинание ни соткал твой хозяин, в нем непременно обнаружатся дыры. Твоя... семья, – это слово Дракон произнес с издевкой, – может, и думает, будто тебя помнит, но у

них наверняка не найдется всего того, что обычно остается от ребенка. Пары варежек, поношенной шапочки, целой коллекции поломанных игрушек... этого всего я в твоём доме не сыщу, так?

– Все мои игрушки поломаны? – беспомощно переспросила я, уцепившись за ту единственную фразу из его речи, которую вообще поняла. – Поломаны, да? Вся моя одежда тут же превращалась в лохмотья, наш мешок для сбора старых тряпок только ею и набит...

Дракон с силой придавил меня к кровати и нагнулся совсем низко.

– Не смей мне лгать! – прошипел он. – Я вырву правду у тебя из глотки...

Пальцы его легли мне на шею, а колено вжалось в матрас между моих ног. Захлебнувшись ужасом, я уперлась ладонями ему в грудь, изо всех сил толкнула, напрягшись всем телом, и сбросила с кровати нас обоих. Мы тяжело рухнули на пол, он оказался подо мною, я кое-как поднялась и точно испуганный кролик кинулась к двери. Побежала я к лестнице. Не знаю, на что рассчитывала: за главные врата я выбраться никак не могла, а больше идти было некуда. Я просто мчалась сломя голову: спотыкаясь, скатилась вниз по двум лестничным пролетам и, услышав преследующие меня шаги, нырнула в полутемную лабораторию, где шипели пары и клубился дым. В отчаянии я проползла под столами, забилась в темный уголок рядом с высоким застекленным шкафом и подтянула к себе ноги.

Дверь за собою я затворила, но Дракон, конечно же, знал, куда я подевалась. Он открыл дверь, заглянул в комнату – я видела его над краем стола: холодный, сердитый глаз между двумя стеклянными пробирками, лицо в зеленых отсветах огня. Дракон ровным, неспешным шагом обходил стол и как раз огибал дальний его конец, когда я кинулась вперед в противоположном направлении, надеясь добежать до двери – я прикидывала, не удастся ли запереть хозяина в собственной лаборатории. На беду, я задела узкую полочку на стене. Одна из закупоренных склянок стукнула меня по спине, скатилась вниз и разбилась об пол у моих ног.

Серый дым окутал меня облаком, забился в нос и рот, он душил меня и обездвиживал. Дым ел глаза, но сморгнуть я не могла. Не могла даже протереть их: руки отказывались повиноваться. Кашель застрял в горле и утих; все тело

медленно каменело – я так и не поднялась с четверенек. Но я уже не испытывала страха, а спустя мгновение, даже и неудобства. Я непомерно отяжелела и одновременно будто бы утратила вес, я находилась словно не здесь. Где-то далеко, едва-едва, слышались шаги Дракона: вот он подошел и встал надо мною, а мне было все равно, как он поступит дальше.

Он постоял немного, глядя на меня с холодным раздражением. Я даже гадать не пыталась, что он предпримет; я утратила способность думать и удивляться. Мир сделался серым и неподвижным.

– Нет, – обронил Дракон спустя мгновение. – Нет, в шпионки ты явно не годишься.

И он развернулся и ушел, оставив меня там на какое-то время – я бы не смогла сказать, как надолго – может, на час, а может, на неделю или год (позже я узнала, что прошло всего полдня). Наконец Дракон возвратился, недовольно поджимая губы. В руке он держал потрепанное нечто, что когда-то было связанным из шерсти и набитым соломой поросенком – до того, как я протаскала игрушку за собою по лесам первые семь лет моей жизни.

– Итак, не шпионка, – подвел он итог. – Просто полоумная.

Дракон возложил руку мне на голову и промолвил:

– Тезавон тахож, тезавон тахож киви, канзон лихуш.

Эти слова он не столько произнес, сколько пропел – прямо как мелодию, и с каждым звуком в мир возвращались цвет, и время, и дыхание; голова моя обрела свободу, и я вывернулась из-под его руки. Окаменевшая плоть понемногу оживала. Вот обрели подвижность руки – и замолотили по воздуху в поисках хоть какой-нибудь опоры, пока мои все еще окаменевшие ноги удерживали меня на месте. Дракон крепко сжал мои запястья, так что, когда оцепенение спало полностью, я оказалась в его власти – и убежать не смогла бы.

Убегать я, впрочем, и не пыталась. Мои мысли, внезапно обретшие свободу, разбегались во все стороны, словно наверстывая потерянное время. Мне вдруг подумалось: если бы он хотел сотворить со мной что-то ужасное, так уж, верно, оставил бы меня камнем; и во всяком случае, он больше не принимает меня ни за

какую шпионку. Я не понимала, с какой стати он возомнил, будто кому-то охота за ним шпионить, тем более королю. Он же королевский маг, разве нет?

– А теперь давай рассказывай: что ты такое делала? – потребовал он. Глаза его холодно поблескивали, в них все еще читалось подозрение.

– Да я просто хотела книжку почитать, – объяснила я. – Я не... я не думала, что нельзя...

– И сняла с полки «Призывание» Льюта – просто так, почитать на досуге, – с убийственным сарказмом откликнулся он, – и лишь по чистой случайности... – Дракон прервался – вероятно, мой встревоженный, непонимающий взгляд окончательно убедил его – и воззрился на меня с нескрываемым раздражением. – Да у тебя просто непревзойденный дар искать неприятности на свою голову! – Он сердито покосился на осколки у наших ног, с шипением выдохнул сквозь зубы и бросил: – Приберись тут, а потом приходи в библиотеку. И ничего больше не трогай!

Он ушел, а я осталась: нашла какие-то старые тряпки на кухне, с их помощью собрала стекло, притащила ведро, заодно и пол вымыла, хотя от пролитой жидкости не осталось и следа, как будто магия выгорела сама собою, точно спирт на пудинге. Я то и дело прерывалась, поднимала руку над каменным полом и поворачивала ее так и сяк, убеждаясь, что окаменение не разливается больше от подушечек пальцев. Я поневоле задумалась, для чего Дракон хранит склянку с таким зельем на полке и не использовал ли его на ком-то еще – может, этот кто-то так и превратился в статую и стоит где-нибудь, таращится перед собою застывшим взглядом, а время течет мимо. Я содрогнулась.

Я очень, очень постаралась ничего больше в лаборатории не задеть.

Когда я наконец собралась с духом и вошла в библиотеку, книга, на которую я покушалась, уже снова стояла на полке. Дракон взад-вперед расхаживал по комнате, его собственный фолиант лежал на маленьком столике, позабытый и брошенный. Я переступила порог – Дракон снова хмуро воззрился на меня. Я оглядела себя: ну да, юбка вся в мокрых пятнах от недавней уборки и, если уж на то пошло, слишком коротка – колени едва прикрывает. С рукавами сорочки еще хуже: сегодня утром я, стряпая завтрак, случайно макнула их в яйцо, а потом еще прожгла на локте, спасая из печи подгорающие гренки.

– Вот с этого и начнем, – объявил Дракон. – Тебе вовсе незачем оскорблять мой взгляд всякий раз, как я на тебя посмотрю.

Оправдываться я не стала: если я начну извиняться за свою неряшливость, то до конца жизни не закончу. Не прожив в башне и нескольких дней, я уже поняла: Дракон любит все красивое. Даже его бесчисленные книги были непохожи одна на другую: кожаные переплеты разных цветов, застежки и петли – золотые, а порою еще и инкрустированные осколочками драгоценных камней. Все, на чем только может остановиться взгляд, будь то небольшая чаша выдувного стекла здесь, на подоконнике в библиотеке, или картина в моей комнате, было изысканно-прекрасным – и каждому шедевру отводилось отдельное место, где он сиял бы невозбранно. Одна только я казалась безобразной кляксой на фоне всего этого совершенства. Но мне и дела не было: разве я обязана быть красавицей?

Дракон нетерпеливо поманил меня к себе. Я опасливо шагнула вперед, он заставил меня скрестить руки на груди – так, чтобы кончики пальцев легли на плечи, и промолвил:

– А теперь: ванастанем.

Я глядела на него, упрямо не размыкая губ. Произнесенное им слово звенело у меня в ушах как то, другое заклинание, для которого он мною воспользовался. Я чувствовала, как оно рвется мне на язык, чтобы выпить всю мою силу.

Дракон схватил меня за плечо: пальцы его больно впились в кожу. Я ощущала жар каждого из них даже сквозь сорочку.

– Я, так уж и быть, примирюсь с неумением и невежеством, но не с бесхарактерностью, – рявкнул он. – Произнеси это.

Я помнила, каково быть камнем; что еще он способен со мною сделать? Я задрожала и произнесла – совсем тихо, как будто надеялась, что от шепота заклинание не сработает:

– Ванастанем.

Моя сила взбурлила, растеклась по всему телу, фонтаном забила изо рта; и там, где она выплескивалась наружу, воздух снова задрожал, заколебался, и зыбь эта по спирали обтекла мое тело. Я осела на пол, задыхаясь в непривычно пышных юбках из шелестящего шелка, зеленого и золотисто-коричневого. Они заплескались вокруг моей талии и затопили ноги – эти бесконечно длинные юбки. Голова моя склонилась под тяжестью изогнутой тиары, вниз по спине заструилось покрывало – кружево, золотой нитью расшитое цветами. Я тупо уставилась на сапоги Дракона: по коже вился тисненый узор из виноградных лоз.

– Посмотри на себя – а ведь заговор-то совсем пустячный, – произнес Дракон, словно бы недовольный творением рук своих. – Ладно, по крайней мере, выглядишь ты чуть пристойнее. Отныне и впредь постарайся держать себя опрятно. Завтра попробуем новое заклинание.

Сапоги развернулись и зашагали прочь. Наверное, Дракон уселся в кресло и снова погрузился в чтение, не знаю. Спустя какое-то время я выползла из библиотеки на четвереньках, не поднимая головы, – прямо в этом своем роскошном платье.

Следующие несколько недель я помню смутно. Каждое утро я просыпалась незадолго до восхода и, лежа в постели, пока за окном разгорался свет, пыталась измыслить хоть какой-нибудь путь к бегству. Каждое утро, так ничего и не придумав, я тащила поднос с завтраком в библиотеку, а Дракон творил вместе со мною новое заклинание. Если мне не удавалось выглядеть достаточно пристойно, на его взгляд – а обычно не удавалось, – сперва он налагал на меня «ванасталем», а поверх него – второе. Все мои домотканые платья исчезали одно за другим; а всю спальню загромождали неподъемные затейливые наряды, точно маленькие холмики – такие тяжелые благодаря парче и вышивке, что стояли стоймя сами собою, даже когда меня внутри не было. Ложась спать, я с трудом выбиралась из-под этих юбок, а чудовищные костяные корсеты сдавливали грудь, не давая дышать.

Болезненный туман так и не расступался. Каждое утро, совершенно разбитая, я кое-как доползала до своей спальни. Наверное, обед Дракон стряпал себе сам, потому что я-то точно ничего для него не делала. Я беспомощно лежала на постели до самого ужина, а тогда обычно находила в себе силы доковылять вниз и сготовить что-нибудь попроще. Вынуждал меня скорее собственный голод, нежели забота о нуждах хозяина.

А хуже всего было непонимание: зачем он так меня использует? Ночью, перед тем как погрузиться в сон, я прокручивала в голове все самые страшные сказки и предания о вампирах и инкубах, которые выпивают из девушек жизнь, и в ужасе клялась, что утром непременно найду выход. И, разумеется, выхода я так и не нашла. Утешалась я только тем, что я не первая. Я твердила себе: то же самое он проделывал со всеми девушками до меня, и они это как-то пережили. Утешение было не ахти какое: десять лет представлялись мне вечностью. Но я жадно цеплялась за любую мысль, которая могла бы хоть немного облегчить мои страдания.

От самого Дракона утешения ждать не приходилось. Он раздражался при виде меня, стоило мне только переступить порог библиотеки – раздражался даже в те редкие дни, когда мне удавалось-таки в кои-то веки выглядеть опрятно. Как будто это я приходила злить и отвлекать его, а не он мучил меня и использовал в своих целях! А когда он заканчивал творить магию через меня и я оставалась лежать на полу, смятая и раздавленная, он хмурился и называл меня бездарью.

Однажды я попыталась вообще не попадаться ему на глаза: я подумала, если принести ему завтрак пораньше, может, он про меня позабудет до следующего дня. Я накрыла завтрак с рассветом, и убежала прочь, и забила в уголок в недрах кухни. Но ровно в семь один из этих его туманных жгутиков – мне случилось видеть, как такие скользят над Веретенкой в сторону Чащи, – проплыл вниз по лестнице. Только теперь я рассмотрела его поближе: ни дать ни взять уродливый мыльный пузырь, зыбкий, изменчивый, почти невидимый – до тех пор, пока радужной пленки не коснется луч света. Сгусток тумана обшарил все углы и наконец добрался до меня и настойчиво завис у моих колен. Я подняла взгляд – в пузыре отражались призрачные очертания моего лица. Я неохотно встала и последовала за туманным клочком наверх, в библиотеку. Дракон отложил книгу и негодующе воззрился на меня.

– Я был бы просто счастлив избавиться от сомнительного удовольствия наблюдать, как ты барахтаешься на полу точно полудохлый угорь от самого пустячного заговора! – рявкнул он. – Но мы уже наблюдали последствия того, что будет, если предоставить тебя самой себе. Ну что, сильно ли ты сегодня изгваздалась?

Я отчаянно пыталась выглядеть поопрятнее, чтобы избежать хотя бы первого заклинания. Сегодня я посадила на платье всего-то пятно-другое, пока стряпала

завтрак, да еще маслом капнула. Я загодя подвернула юбку так, чтобы это все не бросалось в глаза. Но Дракон все равно глядел на меня с отвращением: я проследила направление его взгляда и, к вящему моему ужасу, обнаружила: пока я пряталась в глубине кухни, я, по-видимому, подцепила паутину – единственную в башне, не иначе! – и теперь эта паутина свисала с моей юбки как невесомая драная вуаль.

– Ванасталем, – покорно и отрешенно повторила я вместе с ним. Над полом всколыхнулась неопишимо роскошная волна оранжево-желтого шелка и захлестнула меня – так листья опадают на тропу по осени. Я зашаталась, тяжело дыша, а Дракон снова сел в кресло.

– Так, а теперь... – промолвил он. Загодя Дракон выложил на стол кипу книг; теперь он толкнул стопку, и тома рассыпались как попало. – Чтобы разложить их по порядку: дарендетал.

И Дракон указал рукою на стол.

– Дарендетал, – пробормотала я вместе с ним, и заклинание, сдавив мне горло, прорвалось наружу. Книги на столе дрогнули, одна за другой приподнялись в воздух и, вращаясь, легли на место – точно какие-то нездешние изукрашенные драгоценными камнями птицы в красных, и желтых, и синих, и коричневых обложках.

На сей раз на пол я не рухнула, только покрепче вцепилась обеими руками в край стола и привалилась к нему. Дракон, хмурясь, разглядывал стопку.

– Что за идиотизм?! – воскликнул он. – Вообще никакого порядка: ты только посмотри.

Я пригляделась к книгам. Они сложились в довольно аккуратную стопку, причем обложки одинаковых цветов оказались рядом.

– По цвету?! – возвысил голос Дракон. – Ты разложила их по цвету?! Ты... – Он так на меня разозлился, словно это я была во всем виновата. Может, пока он вытягивал из меня силу для своей магии, я ненароком на нее повлияла? – Ох, да убирайся! – рявкнул он.

И я убежала прочь, мстительно ликуя про себя: о, неужели мне и впрямь удалось как-то подпортить его магию? Так ему и надо!

Мне пришлось остановиться на середине лестницы, чтобы перевести дыхание, – корсет немилосердно стискивал ребра. Но, отдышавшись, я вдруг осознала, что я не ползу. Да, я ощущала усталость, но болезненный туман не сгустился. Мне даже удалось подняться до самого верхнего этажа, нигде не задерживаясь более, и хотя я рухнула на постель и продремала полдня, по крайней мере я уже не ощущала себя никчемной шелухой.

С каждой новой неделей туман развеивался все больше и больше, как будто постоянные упражнения укрепляли меня, придавая сил выдержать все то, что Дракон со мною проделывал. Наши занятия понемногу становились... нет, не приятными, но менее жуткими; они свелись к утомительной работе – вроде как надраивать горшки в холодной воде. Я снова стала спать по ночам и постепенно воспрянула духом. С каждым днем я чувствовала себя все лучше – и злилась все больше.

Я так и не научилась снова надевать эти дурацкие платья нормальным способом – я пыталась, но даже дотянуться не могла до пуговиц и завязок на спине. Обычно мне приходилось разрывать наряды по шву и мять юбки только для того, чтобы перед сном из них выкарабкаться. Так что каждый вечер я бросала очередное платье поверх огромной кучи в углу и каждое утро надевала новое домотканое платьице и пыталась его по возможности не запачкать, и раз в несколько дней Дракон терял терпение, глядя на мой неряшливый вид, и преображал и его тоже. И вот наконец осталось всего одно домотканое платье.

Я держала в руках это последнее платье из простой некрашеной шерсти так, словно цеплялась за спасительную веревку. Внезапно взбунтовавшись, я отложила его на постель и влезла в зеленое и золотисто-коричневое.

Застегнуть пуговицы на спине я не сумела: просто взяла длинное покрывало от тиары, дважды обмотала его вокруг талии и завязала на узел – ну, платье кое-как держится, не сваливается, и на том спасибо! – и сошла вниз в кухню. На сей раз я даже не следила за тем, чтобы не запачкаться. Я отнесла поднос в библиотеку, вызывающе обляпанная яйцом, сальным жиром и забрызганная чаем, со спутанными волосами: ни дать ни взять ополоумевшая дворянка сбежала в лес прямо с бала.

Разумеется, долго это безобразие не продлилось. Как только я озлобленно произнесла «ванасталем» вместе с Драконом, его магия охватила меня, стерла все пятна, впихнула меня обратно в корсет, уложила волосы в сложную прическу – и я снова выглядела точь-в-точь как куколка для какой-нибудь маленькой принцессы.

Но в то утро я почувствовала себя счастливее, чем за все предыдущие недели; вот так я с тех пор внутренне протестовала против Драконовой власти. Мне было приятно злить его своим видом, и всякий раз он вознаграждал меня с лихвой, недоуменно хмурясь.

– И как ты только умудряешься, скажи на милость? – спросил он меня однажды чуть ли не восхищенно. В тот день в волосах у меня застрял комок рисового пудинга, – я случайно задела ложку локтем, и пудинг взлетел в воздух, – а по лифу прелестного кремового платья расползлся красный потек варенья.

Последнее домотканое платьице я хранила в комод. Всякий день, после того как истязания заканчивались, я поднималась наверх. Стаскивала с себя бальный наряд, сдергивала с головы все эти сеточки и тиары, расшвыривала драгоценные булавки по полу и надевала мягкий поношенный летник и домотканую сорочку: их я стирала и чистила вручную. А потом спускалась в кухню, ставила в печь хлеб для себя и, пока он пекся, отдыхала у теплого очага – и мне дела не было до того, что юбка малость запачкалась в золе и муке.

У меня снова достало сил для скуки. О том, чтобы одолжить в библиотеке какую-нибудь книгу, я уже и не помышляла. Вместо того я взялась за иголку, хотя шить терпеть не могла. Если каждое утро из меня досуха выжимают все силы, создавая очередное платье, так почему бы мне не порвать их по швам и не переделать на что-нибудь менее бесполезное: скажем, на простыни или платки?

В сундуке в моей комнате хранилась корзинка для шитья; до сих пор я к ней не притрагивалась, ведь чинить в замке было нечего, кроме моих собственных платьев, а их я до сегодняшнего дня назло всем так и бросала разорванными в угол. Теперь я открыла корзинку – и обнаружила внутри клочок бумаги, исписанный огрызком угольного карандаша, почерком моей неведомой подружки с кухни.

«Ты боишься; не бойся! Он тебя не тронет. Ему от тебя только и надо, чтоб ты красиво выглядела. Ему в голову не придет что-то тебе подарить, но ты можешь взять любое роскошное платье в гостевых покоях и перешить для себя. Когда он призовет тебя, спой ему или расскажи что-нибудь занятное. Ему нужно общество, да и то изредка и ненадолго; приноси ему поесть, избегай его по возможности, и ничего другого он не попросит».

Этому совету цены бы не было, если бы я только открыла корзинку для шитья в первый же вечер. А теперь я застыла на месте, сжимая в руке записку и вся дрожа при воспоминании о его голосе, что накладывался на мой, дрожащий и срывающийся, и вытягивал из меня заклинания и силу, и драпировал меня в шелка и бархат. Я ошиблась. Ничего подобного с другими девушками он не проделывал.

Глава 3

Всю ночь я пролежала в постели без сна, свернувшись клубочком, снова во власти беспросветного отчаяния. Но выбраться из башни отнюдь не стало проще только потому, что мне захотелось этого еще сильнее. Следующим утром я вышла-таки к главным воротам и впервые попыталась приподнять громадный засов – жалкие потуги, что и говорить! Конечно же, я его и на четверть дюйма не смогла сдвинуть.

Внизу в чулане, вооружившись кастрюлей с длинной ручкой в качестве рычага, я поддела тяжелую железную крышку помойной ямы и заглянула внутрь. Глубоко внизу мерцало пламя; нет, этим путем не сбежишь. Я с трудом задвинула железную крышку на место, а затем прощупала все стены, все темные углы, в поисках хоть какой-нибудь дыры или лазейки. Но ничего так и не нашла. А на лестнице за моей спиной уже занималось утро и разливался непрошенный золотой свет. Пора было готовить завтрак – и тащить поднос наверх, навстречу моей судьбе.

Выкладывая на поднос снедь – тарелку с яйцами, гренки и варенья, я несколько раз оглянулась на длинный, поблескивающий сталью мясницкий нож, что торчал рукоятью ко мне из деревянной колоды. Я рубила им мясо; я знала, какой он

острый. Мои родители каждый год откармливали свинью; я помогала при забое – подставляла ведро и собирала в него свиную кровь; но сама мысль о том, чтобы воткнуть нож в человека – это же совсем другое, такое даже вообразить невозможно. Так что воображению я воли давать не стала. Просто положила нож на поднос и поднялась наверх.

Я вошла в библиотеку. Дракон стоял у окна спиной ко мне, плечи его словно одеревенели от раздражения. Я машинально расставила на столе тарелки и блюда, одно за другим, пока не остался только поднос – точнее, поднос и нож. Платье мое было все забрызгано яйцом и овсянкой; вот сейчас он наверняка скажет...

– Заканчивай с этим, – приказал Дракон, – и ступай наверх.

– Что? – непонимающе откликнулась я. Нож по-прежнему лежал под салфеткой, вытесняя все прочие мысли. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: на сегодня я помилована.

– Ты что, оглохла ни с того ни с сего?! – рявкнул Дракон. – Хватит с тарелками возиться, пошла отсюда. И сиди у себя в комнате, пока я тебя снова не позову.

Мое измятое платье было все в пятнах, все ленты спутались, но Дракон даже не обернулся взглянуть на меня. Я подхватила поднос и кинулась прочь из библиотеки – дважды повторять нужды не было. Я взбежала вверх по лестнице – точно взлетела на крыльях, в кои-то веки не ощущая кошмарной усталости, что тянула меня к земле. Я ворвалась к себе, захлопнула дверь, содрала с себя всю шелковую мишуру, переделалась в домотканое и рухнула на постель, облегченно обхватив себя руками, точно ребенок, избежавший порки.

И тут взгляд мой упал на оставленный на полу поднос – и на поблескивающий нож. Ох, что я за дура, как мне вообще такое в голову пришло! Он же мой господин; если по какой-то чудовищной случайности я бы и впрямь его убила, меня бы наверняка предали казни, да и родителей моих заодно. Убийство – это не путь к спасению. Уж лучше тогда взять да из окна выброситься.

Я даже оборотилась и с тоской посмотрела в окно. Тут-то я и увидела причину Драконова недовольства. Над дорогой клубилось облако пыли – неуклонно приближаясь к башне. И нет, это была не телега, но огромная крытая повозка:

целый домик на колесах, запряженный взмокшими лошадьми. Перед кучером ехали двое конников, оба в серых и ярко-зеленых кунтушах. Еще четверо всадников в таких же кунтушах скакали сзади.

Повозка подкатила к главным воротам, на ней красовался зеленый герб – многоголовое чудовище. Верховой эскорт спешил; все засуетились, забежали. То-то они отпрянули, когда башенные ворота легко распахнулись – эти гигантские створки, которые я и сдвинуть-то не могла. Вытянув шею, я поглядела вниз: Дракон прошел сквозь двери и встал на пороге – один.

Из недр повозки, пригнувшись, выбрался человек: статный, златоволосый, широкоплечий, в длинном плаще все того же ярко-зеленого цвета. Подножку опустили, гость спрыгнул по ступенькам, одной рукой взялся за меч – еще один слуга подал ему клинок на вытянутых ладонях – и быстро и решительно прошел между своими людьми к дверям, на ходу пристегивая меч.

– Терпеть не могу карет, они похуже химер будут, – заявил он Дракону, да так громко и отчетливо, что даже я расслышала: его голос донесся до моего окна, перекрывая всхрапывание лошадей и перестук копыт. – Неделю в ней просидел безвылазно точно в ящике. Отчего ты при дворе не бываешь?

– Молю простить меня, ваше высочество, – холодно отозвался Дракон. – Мои обязанности здесь поглощают все мое время.

К тому времени я высунулась из окна так далеко, что того и гляди могла выпасть. Все мои страхи и горести разом позабылись. У короля Польнии было два сына, но наследный принц Сигмунд был всего-то-навсего разумным молодым человеком. Он получил превосходное образование, женился на дочке какого-то там владетельного графа с Севера, тем самым добыв для страны могучего союзника и морской порт. Он уже и наследника родил: мальчика и еще девочку, про запас; он считался превосходным администратором и конечно же станет превосходным королем, и никому до него дела не было.

А вот принц Марек радовал не в пример больше. Я слыхала никак не меньше дюжины историй и песен о том, как он сразил Вандалусскую Гидру; и все они звучали по-разному, и все были правдой до последнего слова – я в этом ни минуты не сомневалась. А еще принц Марек зарубил по меньшей мере трех-четырёх, а не то так девятерых великанов в последней войне с Россией. А

однажды он даже выехал на бой с самым настоящим драконом, вот только оказалось, что на самом деле крестьяне врали, будто на них нападает дракон, и прятали овец, которых дракон якобы сожрал; просто налоги платить не хотели. И Марек даже не приказал предать их казни, но строго отчитал их господина за то, что тот обложил подданных непосильными поборами.

Его высочество поднялся в башню вместе с Драконом. Врата за ними затворились; свита принца встала лагерем на ровном поле перед входом. А я отвернулась от окна и принялась нарезать круги по комнате. Наконец, не стерпев, я вышла и неслышно прокралась вниз по лестнице – думала, может, услышу, о чем они беседуют. Шажок за шажком я спускалась все ниже, пока из библиотеки до меня не донеслись голоса. Разобрать удавалось лишь одно слово из пяти: разговор шел о войнах с Россией и о Чаше.

Не то чтобы я так уж старательно подслушивала. Мне, собственно, было все равно, о чем они толкуют. Куда важнее для меня была всколыхнувшаяся смутная надежда на спасение: уж что бы Дракон со мною ни проделывал, весь этот ужас с вытягиванием жизненной силы – наверняка оно противоречит королевскому закону. Дракон велел мне не показываться и держаться от гостя подальше; а вдруг не только потому, что я неряха и замарашка, ведь эту беду он способен поправить одним словом, – может, маг просто не хочет, чтобы принц прознал про его дела?.. Что, если я воззову к милосердию принца и он увезет меня прочь...

– Довольно, – голос принца Марека вклинился в мои мысли: слова послышались четче, как будто гость подошел к двери. Он, похоже, здорово злился. – И ты, и отец, и Сигмунд – все вы блеете как овцы... нет, с меня хватит. Я не намерен сидеть сложа руки.

Я торопливо взбежала обратно по лестнице – босиком, стараясь ступать как можно тише: гостевые покои находились на третьем этаже, между моими и библиотекой. Я уселась на верхней лестничной площадке, прислушиваясь к стуку его сапог по ступеням внизу, пока шаги не затихли. Я отнюдь не была уверена, что у меня достанет храбрости открыто нарушить приказ Дракона: если я попытаюсь постучаться в дверь к принцу, а Дракон меня на этом поймает, он наверняка сотворит со мной нечто ужасное. Но ведь нечто ужасное он со мной и так проделывает! Вот Кася наверняка бы не упустила такой возможности – будь она здесь, она бы пошла и открыла дверь, и пала на колени к ногам принца, и умоляла бы его о помощи – и не как перепуганный зареванный ребенок, а как

гордая дева из преданий и легенд.

Я вернулась к себе в комнату и принялась репетировать эту сцену, бормоча слова себе под нос, пока солнце опускалось за горизонт. Когда же наконец стемнело и настала ночь, я с неистово бьющимся сердцем прокралась по лестнице. Меня по-прежнему одолевал страх. Сперва я сошла вниз и осмотрелась, чтобы убедиться: в библиотеке и в лаборатории свет погашен, Дракон спит. На третьем этаже из-под двери первой гостевой спальни мерцал тускло-оранжевый отблеск пламени, а двери хозяйской спальни я вообще не видела: она терялась в полумраке в самом конце коридора. И все-таки я замешкалась на площадке... а затем спустилась в кухню.

Я сказала себе: я голодна. Подкрепившись кусочком хлеба с сыром, дрожа у очага, я снова побрела наверх. Наверх до самого конца, обратно в свою комнатушку.

У меня просто в голове не укладывалось – как это я постучусь в дверь к принцу, и преклоню колена, и произнесу прочувствованную речь. Я ж не Кася, я никакая не особенная. Я просто-напросто разревусь как идиотка, а он, пожалуй, вышвырнет меня за порог или, того хуже, позовет Дракона, чтоб тот наказал меня по заслугам. Да и с какой стати принцу мне верить? Деревенская девчонка-замарашка в домотканой сорочке, жалкая служанка в Драконовой башне, будит его посреди ночи дикой историей о том, как великий маг ее мучает?

Я обреченно возвратилась к себе – и застыла на пороге. Посреди комнаты стоял принц Марек и разглядывал картину: он даже мешковину сдернул, которой я ее когда-то завесила. Гость обернулся и с сомнением оглядел меня с головы до ног.

– Милорд, ваше высочество, – пролепетала я – точнее, попыталась. Слова прозвучали так тихо, что принц их вряд ли расслышал – разве что как невнятный шепот.

Но, кажется, ему было все равно.

– Да уж, – промолвил он, – вижу, ты не из числа его красоток. – Гость пересек комнату – ему и двух шагов на это не потребовалось. Теперь, благодаря его присутствию, комнатушка словно умалилась еще больше. Он взял меня за подбородок и повернул мое лицо туда-сюда, внимательно его изучая. Я молча

глядела на принца снизу вверх. Как это странно – вдруг оказаться к нему так близко, почти вплотную... просто ошеломительно. Он был выше меня, широкоплеч и статен – как тот, кто днюет и ночует в доспехах, – красив как на портрете, чисто выбрит, свежесмыт; его золотые волосы потемнели от влаги и чуть вились у основания шеи. – Но может, ты что-то такое умеешь, милая, что с лихвой восполняет все остальное? Он ведь так обычно говорит, да?

Его слова прозвучали не то чтобы жестоко, он просто поддразнивал – и заговорщицки мне улыбался. Я ничуть не обиделась – скорее опешила от такого внимания к своей особе, как будто меня уже спасли, а мне и слова произнести не понадобилось. И тут принц рассмеялся, поцеловал меня и опытной рукой взялся за мою юбку.

Я вздрогнула, точно рыбка, пытающаяся выпрыгнуть из сети, и попыталась оттолкнуть его. Это было все равно что противиться башенным воротам, то есть невозможно. Принц, скорее всего, даже не заметил моего сопротивления. Он снова рассмеялся и поцеловал меня в шею.

– Не тревожься, он возражать не станет, – заверил Марек, как будто никакой другой причины протестовать у меня и быть не могло. – Он ведь все еще вассал моего отца, даже если ему так нравится прозябать здесь в глуши и единовластно править всеми вами.

Вряд ли борьба доставляла ему удовольствие. Я по-прежнему молчала и отбивалась отчасти растерянно, отчасти удивленно: ну не может же он, принц Марек, герой из героев, – ну не может же он на самом деле пожелать меня! Я не кричала, не молила, и, думаю, ему и в голову не приходило, что я могу ему воспротивиться. Наверное, в любом другом поместье какая-нибудь судомойка уже сама забралась бы к нему в постель – и преохотно, и избавила бы его от необходимости кого-то где-то искать. Если на то пошло, может, и я была бы не прочь, если бы он спросил меня прямо и дал мне время прийти в себя от удивления и ответить; боролась я скорее произвольно, нежели потому, что в самом деле хотела ему отказать.

Но он таки меня одолел. Вот тогда я испугалась по-настоящему: теперь мне хотелось только убежать; я отталкивала его руки, бессвязно, обрывочно выкрикивая:

- Принц, нет, пожалуйста, не надо!..

И хотя сопротивления принц, вероятно, не искал, столкнувшись с ним, он не передумал - лишь преисполнился нетерпения.

- Ну полно, полно, все в порядке, - промолвил он, словно я была лошадью, которую требовалось взнуздать и успокоить, и притиснул мою руку к бедру. Мое домотканое платье было перепоясано кушаком, завязанным на обычный бант; принц уже распустил кушак и задрал мне подол.

Я пыталась одернуть юбку, оттолкнуть его, высвободиться - все было бесполезно. Принц удерживал меня легко, словно играючи. Когда же он потянулся к собственным штанам в обтяжку, я в отчаянии, не задумываясь, громко произнесла:

- Ванасталем.

Из меня толчками хлынула сила. Шитый жемчугом лиф и китовый ус сомкнулись под его ладонями точно доспех; принц отдернул от меня руки и отшатнулся; заслон из бархатных юбок с шуршанием упал между нами. Я схватилась за стену, дрожа всем телом и хватая ртом воздух.

Он вытаращился на меня. А затем произнес - совсем иным голосом, и этого тона я не поняла:

- Ты - ведьма.

Я отпрянула от него как испуганный зверек, голова у меня шла кругом, я задыхалась. Платье спасло меня, но корсет туго сдавил ребра, а юбки тяжело волочились по полу: такие и захочешь, не снимешь! Принц медленно шагнул ко мне и протянул руку:

- Послушай...

Но слушать я не собиралась. Я схватила поднос от завтрака, что все еще стоял на моем комодe, и, яростно размахнувшись, ударила принца по голове. Край подноса громко лязгнул о его висок, Марек отшатнулся в сторону. Я сжала

поднос обеими руками, взмахнула им – и обрушила его на незваного гостя еще раз, и еще, слепо и отчаянно.

И тут распахнулась дверь и в комнату ворвался Дракон в длинном роскошном халате, наброшенном поверх ночной сорочки. Глаза его пылали яростью. Он шагнул в комнату – и потрясенно застыл. Замерла и я – тяжело дыша, с занесенным над головой подносом. Принц рухнул передо мной на колени. По лицу его бежала кровь, лоб испещрили кровавые синяки. Он закрыл глаза – и с глухим стуком растянулся без чувств на полу.

Дракон обвел взглядом место происшествия, остановил взгляд на мне и спросил:

– Ты идиотка, ну что ты опять натворила?!

Совместными усилиями мы подняли принца и уложили его на мою узкую кровать. Синяки на его лице постепенно чернели; на подносе, что валялся на полу, остались глубокие вмятины от принцева лба.

– Великолепно, – бросил Дракон сквозь зубы, осматривая гостя. Маг приподнял ему веки; глаза принца бессмысленно и тупо глядели в никуда. Дракон взялся за его руку – рука безвольно упала обратно на постель и свесилась с края.

Тяжело дыша в тисках тугого лифа, я не сводила с принца глаз. Мое отчаянное неистовство схлынуло, остался только ужас. Как ни странно, я боялась не только того, что станет со мною; мне вправду не хотелось, чтобы принц умер. В моем сознании он все еще отчасти оставался сияющим героем легенд – пусть и слившись с чудовищем, которое только что меня лапало. Словом, я совсем запуталась.

– Он ведь не... он не...

– Если не собираешься убивать человека, не стоит дубасить его по голове с упорством, достойным лучшего применения! – рявкнул Дракон. – Ступай в лабораторию и принеси мне желтый эликсир в прозрачной склянке с полки в глубине комнаты. Не красный и не фиолетовый, и попытайся по возможности не

разбить склянку по пути вверх – разве что тебе так хочется объяснить королю, что твоя добродетель ценнее жизни его сына.

Дракон возложил руки на чело принца и тихо заговорил нараспев, и от этих слов по спине у меня побежал холодок. Подобрал юбки, я опрометью кинулась к лестнице. Не прошло и нескольких секунд, как я уже вернулась с эликсиром, запыхавшись в тесном корсете от быстрого бега. Дракон, не прерывая речитатива, просто нетерпеливо протянул ко мне ладонь и резко мотнул головой; я вложила склянку в его пальцы. Одной рукой он извлек пробку и влил немного жидкости принцу в рот.

Пахло снадобье чудовищно, словно гниющая рыба, я чуть не задохнулась от тошнотворной вони, просто стоя рядом. Дракон, не глядя, сунул мне в руки склянку и пробку; мне пришлось задержать дыхание, чтобы заткнуть ее снова. Маг зажал принцу челюсти обеими руками. Даже будучи ранен и без сознания, Марек дернулся и попытался сплюнуть. Эликсир засветился у него во рту – да так ярко, что я различала контур зубов и десен, точно видела перед собою человеческий череп.

Я сумела-таки снова закрыть склянку, сдержав позыв рвоты, и кинулась на помощь: зажала принцу нос, и мгновение спустя он наконец-то сглотнул. Ослепительное сияние хлынуло по его горлу в живот. Я видела, как под одеждой по его телу струится свет: поток истончался, растекаясь по рукам и ногам, и наконец померк настолько, что его перестало быть видно.

Дракон выпустил голову принца и прервал напевное заклинание. Зажмурившись, он откинулся назад к стене; таким обессиленным я его еще никогда не видела. Я встревоженно потопталась у кровати, нависая над ними обоими. И наконец выпалила:

– А он...

– Не твоими заслугами, – откликнулся Дракон, но и это прозвучало обнадеживающе. Я осела на пол грудой кремового бархата и уткнулась лицом в постель, скрестив перед собой руки, задрапированные вышитым золотым кружевом. – Ну что, теперь реветь будем? – произнес Дракон где-то над моей головой. – Ты вообще о чем думала? Зачем ты напялила это несуразное платье, если не собиралась его соблазнить?

– А что мне оставалось, если то, другое, он с меня почти сорвал! – закричала я, поднимая голову. В глазах моих не было ни слезинки; я к тому времени выплакала все свои слезы, остался один только гнев. – Я не по своей воле тут оказалась...

Я умолкла на полуслове – и уставилась на тяжелую складку шелка, застрявшую у меня между пальцами. А ведь Дракона в тот момент рядом не было; он не прибежал к магии, не произносил никаких заклинаний...

– Что ты со мной сотворил? – прошептала я. – Он сказал... он назвал меня ведьмой. Ты сделал из меня ведьму.

Дракон фыркнул:

– Если бы я умел создавать ведьм, уж верно, я бы не выбрал в качестве материала полоумную деревенскую девку. Ничего я с тобой не делал, просто пытался вбить несколько жалких заговоров в твою практически непрошибаемую голову. – Зашипев от усталости, он с трудом приподнялся с кровати – вот точно так же и я падала с ног на протяжении тех ужасных недель, пока он...

Пока он учил меня магии. Не вставая с колен, я потрясенно глядела на него сверху вниз, поневоле убеждаясь, что не ошиблась.

– Но тогда зачем ты меня учишь?

– Я бы с превеликой радостью оставил тебя плесневеть в этой твоей жалкой деревушке, но, к несчастью, выбор мне не предоставлен. – Поймав мой непонимающий взгляд, Дракон мрачно нахмурился: – Тех, кто обладает даром, необходимо учить: этого требует королевский закон. В любом случае, с моей стороны было бы верхом глупости допустить, чтобы ты там созрела как сочная слива на ветке, пока что-нибудь не явится из Чащи и не сожрет тебя – вот тогда ты и в самом деле превратилась бы в ходячий кошмар.

При этой мысли я содрогнулась от ужаса, а Дракон, по-прежнему хмурясь, перевел взгляд на принца. Тот тихо застонал и заворочался во сне: он постепенно просыпался. Вот он неуверенно поднял руку и потер лицо. Я неуклюже поднялась на ноги и опасливо отодвинулась от кровати, поближе к Дракону.

– Вот что, – промолвил Дракон. – Каликуал. Это всяко лучше, чем колошматить ухажеров по голове до бесчувствия.

И он выжидательно воззрился на меня. Я поглядела на него, затем на просыпающегося принца, затем снова на Дракона.

– А если бы я не была ведьмой... – промолвила я. – Если бы я не была ведьмой, ты бы позволил мне... ты бы отпустил меня домой? А ты не можешь избавить меня от силы?

Дракон молчал. Я уже привыкла к его такому противоречивому лицу: юному и старому одновременно. Несмотря на все прожитые годы, морщинки у него обозначились только в уголках глаз, ну еще одна-единственная складка меж бровей и резкие линии вокруг угрюмого рта – ничего больше. Двигался он как юноша. А если с возрастом люди мягчеют и добреют, то это явно не его случай. Но сейчас, на одно краткое мгновение, глаза его сделались глазами старика – и странен был их взгляд.

– Нет, – произнес он, и я ему поверила.

Но Дракон тут же стряхнул с себя задумчивость и указал рукою: я обернулась – принц приподнялся на локте и, моргая, смотрел на нас обоих. Да, все еще оглушенный, непонимающий... но вот в лице его мелькнула мысль: он вспомнил меня.

– Каликуал, – прошептала я.

Из меня хлынула сила. Принц Марек снова откинулся назад, на подушки, закрыл глаза и уснул. Я доковыляла до стены и по ней съехала на пол. Мясницкий нож все еще валялся там же, на полу. Я подобрала его и наконец-то воспользовалась им по назначению: взрезала платье и шнуровку корсета. Теперь по всей длине лифа сбоку зияла дыра, но зато я смогла отдышаться.

Я откинулась к стене и на мгновение закрыла глаза. А затем поглядела снизу вверх на Дракона: тот досадливо отвернулся от столь жалкого зрелища и теперь неприязненно рассматривал принца.

– А разве его люди с утра о нем не спросят? – забеспокоилась я.

– А ты рассчитываешь держать принца Марека во власти сонных чар в моей башне до бесконечности? – бросил Дракон через плечо.

– Но ведь, когда он проснется... – начала было я и умолкла. – А ты не мог бы... ты можешь сделать так, чтобы он все забыл?

– О, разумеется, – откликнулся Дракон. – Он, понятное дело, не заметит ничего необычного, когда проснется с невыносимой головной болью и огромным провалом в памяти.

– А что, если... – Я с трудом поднялась на ноги, по-прежнему сжимая нож. – Что, если он вспомнит что-то другое? Ну, например, что просто лег спать у себя в комнате...

– Ну не будь душой, а, – фыркнул Дракон. – Ты говоришь, ты его не соблазнила, значит, принц пришел сюда по собственному желанию. А когда у него такое желание возникло? Нынче вечером, уже в постели? Или это он по дороге размечтался о мягкой перине и нежных объятиях?.. Да, я понимаю, что твои объятия оказались не таковы, ты уже предоставила достаточно доказательств обратного! – рявкнул он, едва я попыталась запротестовать. – Насколько можно судить, он возымел такое намерение еще до того, как выехал из дому – это было преднамеренное оскорбление.

Я вспомнила, как принц сказал про Дракона – «Он ведь так обычно говорит, да?» – как будто все обдумал заранее, как будто и впрямь все спланировал.

– Он хотел оскорбить тебя?

– Он полагает, я забираю в башню женщин, чтобы принуждать их к блуду, – объяснил Дракон. – Большинство придворных в это верят, ведь они сами на моем месте поступили бы ровно так, дай им полшанса. Мальчик, видимо, вздумал наставить мне рога. А потом пустил бы слух при дворе – и был бы счастлив по уши. Магнаты просто обожают играть в такие игры: на что ж еще время-то тратить!

Дракон говорил пренебрежительно, но ведь, когда он ворвался в комнату, он был и в самом деле здорово зол!

– А зачем принцу оскорблять тебя? – робко спросила я. – Разве он приехал не за... не попросить тебя о какой-то магии?

– Нет, он приехал полюбоваться видом на Чашу, – буркнул Дракон. – Безусловно, он приехал за магией, а я велел ему заниматься своим делом, то есть рубить на куски вражеских рыцарей и не мешаться в то, что выходит за пределы его разумения. – Дракон фыркнул. – Мальчишка начинает верить собственным трубадурам: он хотел попытаться вернуть королеву.

– Но королева мертва, – растерянно возразила я. Ведь так войны и начались. Уже почти двадцать лет минуло с тех пор, как Василий, наследный царевич Росии, явился в Польнию с посольством. Он влюбился в королеву Ханну, и они бежали вместе. А когда солдаты короля их почти настигли, они скрылись в Чаше.

Вот и все, конец истории. Если кто и вошел в Чашу, так обратно уже не выйдет, во всяком случае живым-здоровым и самим собою. Случалось, жертвы Чащи выбирались наружу ослепшие, с истошными криками; а иногда – обезображенные и искореженные до неузнаваемости; но хуже всего – это когда они возвращались в своем собственном обличье, но необратимо искаженные изнутри, и за их спиной маячило смертоубийство.

Королева и царевич Василий из Чащи так и не вышли. Король Польнии обвинял наследника Росии в похищении королевы, царь Росии обвинял Польнию в смерти своего наследника. И с тех пор одна война сменяла другую – перемежаясь случайными перемириями и краткосрочными договорами.

Здесь, в долине, мы только головой качали; все сходились на том, что с самого начала это были происки Чащи. Чтобы королева, мать двоих малых детей, да сбежала из дома?! Начала войну с собственным мужем?! Да их сватовство в легенду вошло, а про свадьбу сложили никак не менее дюжины песен. Мама певала мне одну из них, те куплеты, что помнила. Странствующие певцы, понятное дело, больше ее не исполняли.

Наверняка за всем этим стоит Чаша. Может, кто-то отравил их обоих водой, взятой из реки в том самом месте, где она уходит в Чашу; может, какой-нибудь

вельможа, проезжая через горный перевал в Росию, по неведению заночевал под сенью темных деревьев на опушке и потом вернулся ко двору уже не собой. Мы-то знали, что это все Чаша – а толку-то? Ведь королева Ханна все равно пропала, а пропала она вместе с роским царевичем, так что мы воевали друг с другом, а Чаша с каждым годом все дальше продвигалась в оба королевства, насыщаясь смертями беглецов и всеми прочими смертями, приключившимися с тех пор.

– Нет, – покачал головой Дракон, – королева не мертва. Она все еще в Чаше.

Я вытаращилась на него. Дракон произнес это так уверенно, так сухо и прозаично, как нечто само собою разумеющееся – притом что я-то ничего подобного не слышала. Но в такой ужас мне вполне верилось: удерживать свою жертву двадцать лет в бессрочном плену – да, Чаша на такое вполне способна.

Дракон пожал плечами и махнул рукой в сторону принца:

– Вызволить королеву невозможно, а если принц туда отправится, он только навлечет худшую беду, но мальчишка ничего и слышать не желает. – Дракон фыркнул. – Думает, если убил гидру одного дня от роду, то уже и герой.

Ни в одной песне не упоминалось, что Вандалусской Гидре был только один день от роду. Это здорово умаляло величие подвига.

– Как бы то ни было, – промолвил Дракон, – наверное, он и впрямь разобижен; лорды и принцы магию терпеть не могут, и чем больше в ней нуждаются, тем больше ее ненавидят. Да, мелочная мстительность в таком духе вполне ожидаема.

Мне с легкостью в это верилось, я понимала, что Дракон имеет в виду. Если принц вознамерился переспать с сожительницей Дракона, кем бы эта девица ни была, – меня захлестнуло негодование при мысли о том, что на моем месте могла оказаться Кася, не обладающая даже ненавистной магией, чтобы себя защитить, – он и впрямь не заснул бы просто так. Такое воспоминание – как неправильный кусочек головоломки, его в сознание принца не втиснешь.

– Тем не менее, – добавил Дракон мягким, снисходительным тоном, как будто имел дело со щенком, который отучился-таки жевать тапку, – идея неплоха; я

наверняка сумею слегка подправить его воспоминания, сделав их чуть иными.

Он поднял руку.

- Чуть иными? – озадаченно переспросила я.

- Я дам ему воспоминание о том, как он наслаждался твоей благосклонностью, – объяснил Дракон. – Вполне уместный восторг с твоей стороны – и удовлетворенность при мысли о том, как он выставил дураком меня. Я уверен, наш герой это проглотит и не поморщится.

- Что?! – охнула я. – Ты заставишь его... нет! Он же... он же...

- Ты хочешь сказать, тебе не все равно, что он о тебе подумает? – изогнул бровь Дракон.

- Если он решит, что я забавлялась с ним, что помешает ему... помешает снова захотеть того же?! – запротестовала я.

Дракон пренебрежительно отмахнулся.

- А я сделаю так, что воспоминание окажется неприятным – сплошь острые локти, визгливое девичье хихиканье, все быстро закончилось. Или у тебя есть идеи получше? – поинтересовался он ядовито. – Может, ты бы предпочла, чтобы его высочество проснулся, помня, как ты целенаправленно пыталась его убить?

Так что на следующее утро я пережила невыразимое унижение, когда принц Марек задержался у дверей башни, поднял взгляд к моему окну и послал мне игривый и нескромный воздушный поцелуй. Я наблюдала за ним, только чтобы убедиться, что он действительно уехал. Мне пришлось призвать на помощь все свое благоразумие – или его остатки, – чтобы не сбросить что-нибудь вниз прямо ему на голову, и не то чтобы залог страсти нежной.

Но Дракон был прав, соблюдая осторожность. Хотя в сознании принца воспоминание запечатлелось вполне утешительное, он замешкался на подножке кареты и, прежде чем наконец нырнул внутрь и соизволил убраться прочь, снова оглянулся на меня, слегка хмурясь, точно что-то его беспокоило. Я стояла у окна,

глядя, как на дорогу оседает пыль от колес, пока карета наконец-то не исчезла за холмами – окончательно и бесповоротно. Только тогда я отвернулась и снова почувствовала себя в безопасности... что за нелепость – в заколдованной-то башне, рядом с темным чародеем и притом что под моей собственной кожей пульсирует магия!

Я натянула зеленое с золотисто-коричневым платье и медленно спустилась по лестнице в библиотеку. Дракон уже сидел в кресле, держа на коленях открытую книгу. Он обернулся ко мне.

– Очень хорошо, – как всегда недовольно отметил он. – Сегодня мы попробуем...

– погоди, – перебила я, и он умолк. – А ты можешь научить меня, как превратить вот это... во что-то такое, что я могла бы носить?

– Если ты до сих пор не овладела заклинанием «ванасталем», я ничем тебе помочь не могу, – огрызнулся Дракон. – Собственно, я склонен заподозрить, что ты слабоумная.

– Нет! Мне не нужно это... это заклинание, – поспешно запротестовала я, избегая произносить ненавистное слово. – Я в таких платьях даже двинуться не могу, не могу сама зашнуровать их, не могу чистить и мыть...

– А почему ты не воспользуешься заговорами для мытья и чистки? – спросил он. – Я тебя научил минимум пяти.

Точно, и я постаралась как можно скорее их позабыть.

– Тереть щеткой и то не так утомительно! – возразила я.

– Вижу, таланта тебе не занимать! – раздраженно бросил Дракон, но меня его слова ничуть не ранили: магия – штука и без того достаточно мерзкая; становиться великой и могущественной ведьмой мне совсем не хотелось. – Что ты за странное создание: разве не все деревенские девчонки мечтают о принцах и бальных платьях? Ну, тогда чуть убавь заговор.

– Что? – не поняла я.

– Опusti часть слова, – объяснил Дракон. – Проглоти слог, пробормочи его неразборчиво, что-нибудь в этом роде...

– Просто... любую часть? – с сомнением уточнила я. Но все-таки попробовала: – Ваналем?

Укороченное слово на вкус оказалось приятнее: меньше и отчего-то дружелюбнее, хотя, может статься, это у меня разыгралось воображение. Платье затрепетало, юбки сдулись, опали, превратились в отличный летник из некрашеного льна, доходивший до голени, а поверх него легло простое коричневое платье с зеленым кушаком, удобно стягивающим талию. Я облегченно перевела дух; невыносимая тяжесть больше не наваливалась на меня от плеч до лодыжек – никаких тебе тесных корсетов, никаких бесконечных шлейфов: все просто, легко и удобно. И даже магия не опустошила меня досуха. Я вообще не устала.

– Если ты уже оделась по своему вкусу... – голос Дракона прямо-таки сочился сарказмом, маг вытянул руку и призвал с полки книгу, – мы начнем с силлабической композиции.

Глава 4

Притом что обладание магией меня совершенно не радовало, я наконец-то избавилась от неотвязного страха – и на том спасибо! Но образцовой ученицы из меня не вышло. Если я не забывала напрочь слова заклинаний, которым Дракон меня обучал, значит, я произносила их не так, как надо. Я глотала слоги, бормотала что-то невразумительное, путалась так, что заговор, призванный тщательно перемешать с десятков ингредиентов для пирога («Вот зелья составлять я тебе точно не доверю», – язвительно отмечал Дракон), вместо того превращал их в сплошную твердую массу, которая даже мне на ужин не годилась. Еще одно заклятие, долженствующее поддерживать небольшой ровный огонек в библиотеке, где мы занимались, похоже, не сработало вообще – так мы думали, пока не услышали вдали зловещее потрескивание, не кинулись вверх и не обнаружили, что из очага в гостевых покоях прямо над библиотекой рвутся зеленоватые языки пламени, которые уже охватили вышитый балдахин над кроватью.

После того как Дракон справился-таки с упрямым, недобрым огнем, он орал на меня минут десять, не меньше, чествуя безмозглым тупоголовым отродьем деревенщин-свинарей. «Мой отец дровосек», – поправила я. «...Криворуких неумех с топорами!» – прорычал он. Ну да я уже не боялась. Он просто кричал и бранился на чем свет стоит, пока не уставал, а потом отсылал меня прочь; а теперь, когда я убедилась, что собака лает, да не кусает, меня его крик и ор нимало не трогали.

Мне было почти стыдно за свою бездарность: ведь я уже поняла – его досада подсказана любовью к красоте и совершенству. Дракон вообще не хотел брать никаких учеников, но раз уж меня ему навязали, он мечтал сделать из меня ведьму могущественную и великую, передать мне свое искусство. Когда он демонстрировал мне образчики высшего чародейства, сложные и прихотливые переплетения жеста и слова, что лились как песня, я видела, что он всей душой любит свое дело: глаза его мерцали и вспыхивали в отсветах чар, а лицо казалось нездешним и почти красивым. Да, он любил магию – и готов был разделить эту любовь со мной.

Но я вполне довольствовалась малым: пробормотав кое-как несколько простеньких заговоров, выслушивала неизбежную отповедь, весело возвращалась вниз, в кладовку, и вручную шинковала лук на обед. Его это не то слово как бесило, и всякий бы его понял. Знаю, я вела себя глупо, по-детски. Но я не привыкла считать себя важной особой. Да, я всегда умела находить орехи, и грибы, и ягоды лучше всех прочих, даже если в какой-то части леса все уже обобрали десяток раз. Я отыскивала поздние травы осенью и ранние сливы весной. Что угодно, лишь бы перепачкаться с головы до ног, говаривала моя мама. А если ради добычи нужно было хорошенько порыться в земле, или продраться сквозь ежевику, или залезть на дерево, так я зато всегда возвращалась с полной корзинкой, чтобы умаслить маму – и она снисходительно говорила «ладно уж!», а не охала и ахала при виде моей одежды.

Но других талантов, как мне казалось, у меня не было; ничего такого, что бы пригодилось за пределами моей семьи. И даже сейчас мне не приходило в голову задуматься, на что годна магия – ну, кроме разве того, чтобы сотворять несуразные платья и выполнять мелкую работу по дому, которую я куда охотнее переделала бы вручную. Полное отсутствие успехов меня нимало не огорчало, равно как и Драконово раздражение по этому поводу. Мало-помалу я вроде как притерпелась; дни шли за днями, и наконец настал день Зимнего солнцеворота.

Глядя в окно спальни, я видела, как на всех деревенских площадях зажглись свечные деревья: маленькие сияющие маячки испещрили темную долину вплоть до опушки Чащи. В нашем доме мама поливает жиром огромный окорок и помешивает картошку на противне под ним. Отец и братья развозят к празднику в каждый дом целые горы дров, накидав сверху свежесрезанный сосновый лапник; наверняка они-то и срубили свечное дерево для нашей деревни – высокое, прямое, с пышными ветками.

А Венса, наша соседка, поджаривает каштаны и здоровенный кус нежной говядины с черносливом и морковкой – взять с собой, когда пойдет в гости; а Кася – Кася все-таки там, дома! Кася наверняка печет великолепный вкусный сенкач: поворачивает вертел над огнем и подливает тесто слой за слоем, и получаются бесчисленные «сосновые веточки». Кася выучилась его готовить, когда ей исполнилось двенадцать: Венса тогда отдала кружевное покрывало, в котором выходила замуж – длинное, в два ее роста! – одной женщине в Смольнике, чтобы та передала Касе все секреты этого пирога. Ведь нужно же было подготовить Касю стряпать для благородного господина.

Я старалась порадоваться за Касю. За себя-то я по большей части горевала. Тяжко это – сидеть в одиночестве в холодной комнате на вершине башни, под замком. Дракон праздник не отмечал, небось вообще не отдавал себе отчета, какой сегодня день. Я, как всегда, спустилась в библиотеку, пробубнила очередное заклинание, он покричал немножко и отослал меня восвояси.

Пытаясь бороться с одиночеством, я спустилась в кухню и сготовила себе небольшой пир: ветчину, кашу и печеные яблоки. Но когда я выложила все на блюдо, мой стол по-прежнему смотрелся так простенько и пусто, что впервые в жизни я использовала «лиринталем» для себя – ведь хочется же хоть немножечко праздника. Воздух всколыхнулся, пошел рябью – и вот уже передо мною восхитительное блюдо жареной свинины, розоватой, сочной, с пылу с жару; моя самая любимая крутая пшенная каша, сваренная с растопленным маслом, и с ржаными хлебными крошками в середине; горка свежего гороха – в деревне он появится на столе не раньше весны, и пирог-тайглах: я такой пробовала только раз в жизни, за столом у старицы, в тот год, когда настала очередь моей семье идти к ней в гости в пору жатвы. Тут и засахаренные фрукты, точно цветные драгоценные камни, и безупречные золотисто-коричневые шарики сладкого сдобного теста, и мелкие белесые орешки – и все это залито глазурью и блестит медовым сиропом.

И все равно – никакой это не зимнепраздничный ужин. Живот предвкушающе не сводит от голода, после того, как целый день готовишь, моешь и чистишь не покладая рук; не слышен радостный шум, как оно бывает, когда вокруг стола теснится множество гостей и все смеются и тянутся к тарелкам. Глядя на мой жалкий пир, я почувствовала себя еще более отчаянно одинокой. Я подумала о маме – как она там стряпает одна, и даже мои неумелые руки ей не в помощь, – и глаза у меня защипало. Я уткнулась в подушку, так и не притронувшись к подносу на столе.

Два дня спустя я все еще ходила с распухшими глазами, несчастная и неуклюжая даже больше обычного. Тогда-то и прибыл гонец: нетерпеливо прогрохотали копыта, раздался громкий стук в ворота. Дракон отложил книгу, по которой пытался меня учить, и я поплелась за ним вниз по лестнице. Двери сами распахнулись перед хозяином, и гонец едва не ввалился внутрь. На нем было темно-желтое сюрко Желтых Топей, по лицу струился пот. Он преклонил колена, бледный как полотно, сглотнул и, не дожидаясь дозволения говорить, выпалил:

– Милорд барон умоляет вас тотчас же поспешить к нему. На нас напала химера, с горного перевала...

– Что? – резко бросил Дракон. – Для них не сезон. Что это за тварь, опиши в точности! Какой-то идиот обозвал виверну химерой, а другие и подхватили...

Гонец замотал головой туда-сюда, точно грузилом на леске:

– Хвост змеи, крылья летучей мыши, голова козла... я ее своими глазами видел, господин Дракон, поэтому мой господин меня и послал...

Дракон раздраженно прошипел сквозь зубы: как смеет какая-то химера причинять ему неудобства, явившись не в свой сезон?! Что до меня, я ничегошеньки не понимала, тем более с какой стати для химеры должны быть сезоны. Она же тварь магическая и вольна являться, когда вздумается.

– Попытайся не быть полной идиоткой, – рявкнул Дракон, пока я трусила за ним обратно в лабораторию. Он отпер дорожный сундучок и теперь приказывал мне подать то и это. Я с упавшим сердцем приносила те склянки, что он просил – очень-очень осторожно.

– Из того, что химера рождается посредством порченной магии, еще не следует, что она не живая тварь со своей собственной природой. Химеры по большей части происходят от змей, потому что вылупляются из яиц. Кровь у них холодная. Зимой они застывают неподвижно и стараются по возможности разлечься под солнцем. А летом летают.

– Тогда почему эта явилась сейчас? – пыталась разобраться я.

– Скорее всего, это никакая не химера, а наш запыхавшийся деревенщина, тот, что ждет внизу, испугался собственной тени и навоображал невесть чего, – промолвил Дракон. Но по мне, так запыхавшийся деревенщина не выглядел ни дураком, ни трусом, и мне показалось, что Дракон и сам в свои слова не вполне верит. – Нет, не красный, ты, идиотка, это же огонь-сердце. Химера, дай ей только шанс, пила бы его галлонами – и очень быстро вымахала бы до настоящего дракона. Мне нужен красно-фиолетовый, через два пузырька от этого. – Обе жидкости казались мне красно-фиолетовыми, но я поспешно заменила зелье и подала хозяину то, что он просил. – Отлично, – объявил Дракон, закрывая сундучок. – Не пытайся читать книги, ничего в этой комнате не трогай, собственно, нигде и ничего не трогай, если сумеешь, и по возможности постарайся до моего возвращения не превратить башню в грудку битого камня.

Только тут я поняла, что Дракон оставляет меня в башне. Я в смятении вскинула глаза:

– А что мне тут одной делать? Можно я... поеду с тобой? Ты скоро вернешься?

– Через неделю, через месяц или никогда – если отвлекусь, сваляю дурака и химера разорвет меня надвое! – рявкнул он. – А это значит: нет, нельзя. И будь так добра вообще ничего не делать, насколько это для тебя возможно.

И Дракон стремительно вышел. А я побежала в библиотеку и прильнула к окну: врата за ним захлопнулись сами, пока он спускался вниз по ступеням. Гонец вскочил на ноги.

– Я забираю твоего коня, – услышала я. – Ступай за мной пешком до Ольшанки, я оставлю его там и возьму свежего. – С этими словами Дракон вскочил в седло и, властно махнув рукой, пробормотал какие-то слова. Впереди него на

заснеженной дороге вспыхнул огонек и покатился прочь как мячик, растапливая для всадника свободный проход посреди сугробов. Конь тут же сорвался в галоп, хотя заметно нервничал, беспокойно прижимая уши. Наверное, чары, позволяющие Дракону переноситься в Дверник и обратно, для таких далеких расстояний не годились, а может, он мог ими пользоваться только в пределах собственных владений.

Я глядела ему вслед из библиотечного окна, пока он не скрылся из виду. Не то чтоб мне когда-либо доставляло удовольствие общество Дракона – в конце концов, он не приложил для этого никаких усилий! – но без него в башне воцарилась гулкая пустота. Я попыталась порадоваться его отъезду как празднику, но для этого я недостаточно устала. Я немножко пошила пестрое лоскутное одеяло, а потом просто уселась у окна и стала смотреть на долину: на поля, деревни и столь любимые мною леса. Я видела, как к водопою бредут стада овец и коров, как по дороге проносятся деревянные сани, а порою и проезжает одинокий всадник, как тут и там растут снежные сугробы, – и наконец так и уснула, прислонившись к раме. Уже настала ночь, когда я, вздрогнув, пробудилась в темноте и увидела вереницу сигнальных огней, пылающих вдалеке почти по всей длине долины.

Со сна я не сразу поняла, что происходит. В первое мгновение мне померещилось, что это опять зажглись свечные деревья. Только трижды за всю свою жизнь я видела, как в Двернике вспыхивают сигнальные огни: когда настало Зеленое Лето, потом еще один раз, в девятилетнем возрасте, – когда из Чащи вышли снежные кобылицы; и еще раз – когда плющи-шаркуны поглотили четыре дома на окраине деревни за одну ночь (в то лето мне было четырнадцать). И всякий раз Дракон не заставлял себя ждать: он давал отпор Чаще – и снова исчезал.

Борясь с нарастающей паникой, я пересчитала огни, пытаюсь понять, где именно подали сигнал тревоги, – и кровь застыла у меня в жилах. Огней было девять: ровной прямой линией протянулись они вдоль Веретенки. Девятый сигнальный огонь – это Дверник. Зов о помощи пришел из моей родной деревни. Я встала, не отрывая взгляда от огней, а в следующий миг осознала: а ведь Дракона-то нет. Он сейчас уже далеко в горах, на перевале, приближается к Желтым Топям. Сигнальных огней он не увидит, а даже если к нему и пошлют гонца, так сперва Дракону нужно будет разделаться с химерой... он сказал – неделя, а больше никого и нет...

Тут-то я и поняла, какой была душой. Мне никогда и в голову не приходило, что магия, моя магия на что-то годна, – вплоть до нынешнего дня. И вот я стою тут столбом и понимаю: нет никого другого, кроме меня; и та жалкая, неуклюжая, необученная сила, что только во мне есть – в ней магии всяко больше, чем у любого из моих односельчан. Им нужна помощь – а из помощников осталась лишь я.

Страхнув с себя оцепенение, я развернулась и опрометью бросилась вниз по лестнице в лабораторию. Сглотнув от страха, я вошла и сняла с полки зелье серого цвета – то, что когда-то превратило меня в камень. Взяла огонь-сердце, и еще эликсир, с помощью которого Дракон спас принцу жизнь, и еще один, зеленый – Дракон как-то упоминал, будто от него любая зелень пойдет в рост. Я понятия не имела, что из них мне пригодится, но хотя бы представляла, чего от них ждать. Что до остальных – я ведать не ведала, как они называются, и прикоснуться к ним не дерзнула.

Я унесла склянки к себе в комнату и принялась лихорадочно разрывать все то, что осталось от кучи платьев, и связывать полосы шелка в крепкую веревку. Когда веревка получилась достаточно длинной – по крайней мере, я на это надеялась, – я спустила ее из окна и посмотрела вниз. Ночь выдалась темная, хоть глаз выколи. Внизу света не было, я не видела, хватает ли веревки до земли. Мне ничего не оставалось, кроме как попытаться проверить на опыте.

Занимаясь мелким рукоделием, я, помимо прочего, сшила из платьев несколько шелковых сумок; в одну такую я уложила стеклянные фиалы, для надежности обернув их в лоскутья, и повесила сумку на плечо. Я старалась не думать о том, что делаю. В горле стоял комок. Я ухватилась за шелковую веревку обеими руками и перелезла через подоконник.

Мне частенько доводилось лазать по старым деревьям; громадные дубы я просто обожала и забиралась на них с легкостью, всего-то-навсего перекинув через сук обрывок истертой веревки. Сейчас все было совсем иначе. Камни башни казались неестественно гладкими, тонюсенькие трещины между ними до краев заполнял известковый раствор, который не растрескался и не раскрошился от времени. Я сбросила башмаки, но даже голые пальцы ног не могли нащупать никакой опоры. Я повисала на шелковой веревке всем своим весом, ладони повлажнели от пота, плечи ныли. Я соскальзывала и ползла, а время от времени просто болталась на веревке, раскачиваясь туда-сюда как тяжелый мешок, и громоздкая сумка с побулькивающими склянками хлопала

меня по спине. Я продолжала спускаться – ведь ничего другого мне не оставалось. Вскрабкаться обратно наверх оказалось бы куда труднее. Я начала прикидывать, а не отпустить ли веревку: так я поняла, что силы мои на исходе. Я уже почти убедила себя, что падать – это совсем не страшно, как вдруг моя нога больно ударилась о твердую землю, на полфута погрузившись в мягкий сугроб под стеной башни. Я выкопала из-под снега башмаки и побежала по расчищенной тропе, проложенной Драконом до Ольшанки.

Когда я наконец добралась до города, тамошние сперва в толк не могли взять, что со мною делать. Я ввалилась в таверну – вспотевшая и промерзшая одновременно, со спутанными волосами; растрепавшиеся пряди у самого моего лица от моего дыхания прихватил иней. Никого из знакомых в таверне не оказалось. Мэра я узнала, ну да я с ним за всю свою жизнь и словом не перемолвилась. Наверное, меня просто посчитали бы за сумасшедшую, но там оказался Борис, отец Марты, одной из девушек, рожденных в мой год. Он был на церемонии выбора. Борис-то и сказал:

– Это же Драконова девушка. Дочка Андрея.

Никто из избранных девушек никогда не покидал башни до истечения десяти лет. Да, если вспыхнули сигнальные огни – значит, положение отчаянное, но мне показалось, в первый момент ольшанцы предпочли бы скорее иметь дело с любыми порождениями Чащи, нежели со мной – ведь от меня наверняка проблем не оберешься, а помощница из меня неубедительная.

Я объяснила, что Дракон отбыл в Желтые Топи, и сказала, пусть кто-нибудь отвезет меня в Дверник. Первому они сокрушенно поверили. Довольно быстро я поняла, что исполнять второе никто не собирается, сколько бы я им ни втолковывала про уроки магии.

– Пойдем, ты переночуешь у меня, под присмотром моей жены, – заявил мэр, отворачиваясь. – Данушек, съезди в Дверник, скажи им, что надо держаться, что бы уж там ни произошло. Мы попытаемся найти помощь, пошлем гонца в горы...

– Я не буду ночевать в вашем доме! – заявила я. – А если меня никто не отвезет, я дойду пешком! В любом случае окажусь в Двернике раньше, чем любые другие помощники!

– Ну хватит! – рявкнул мэр. – Послушай, ты, малолетняя дурочка...

Конечно, ольшанцы испугались. Они решили, я сбежала и просто пытаюсь добраться до дома. И ничего не желали слушать, сколько бы я ни молила. Думаю, главным образом потому, что им с самого начала было стыдно отдавать девушку Дракону: они понимали, как это неправильно, но все равно отдавали, потому что выбора-то нету и не настолько оно ужасно, чтобы люди взбунтовались.

Я вдохнула поглубже – и снова воспользовалась своим оружием «ванасталем». Полагаю, Дракон остался бы мною доволен: каждый слог прозвучал четко и остро, как свежезаточенное лезвие. Ольшанцы отпрянули. Магия водоворотом закружилась вокруг меня, да такая ослепительно-яркая, что рядом с нею померкло даже пламя в очаге. Когда сияние рассеялось, я стояла перед ними – вопиюще величественная, подросшая на несколько дюймов благодаря дворцовым сапожкам на каблуках, разодетая словно королева в трауре: в летнике из черного бархата, отделанном черным кружевом и расшитом мелкими черными жемчужинками. Жемчуг ярко выделялся на фоне моей кожи, которая вот уже полгода не видела солнца; длинные рукава были схвачены золотыми браслетами. А поверх летника красовалась блестящая шубка из золотого и алого шелка с черным меховым воротником, на талии стянутая золотым поясом: вот уж и впрямь роскошь немислимая! На волосы легла сеточка из золотых нитей и крохотных драгоценных камней.

– Я не дурочка и я не лгу, – заявила я, – и если пользы от меня не так уж и много, я могу сделать хоть что-то. Найдите мне повозку!

Глава 5

Мне, конечно же, повезло, что никто из них знать не знал: эти чары – просто затверженный заговор; ведь они никогда не видели, как работает настоящая магия. Что ж, я их просвещать не стала. Ольшанцы запрягли четверку лошадей в самые легкие сани, какие только нашлись, и отправили меня в моем идиотском – зато теплом! – платье по плотно утрамбованной приречной дороге. Ехали мы быстро, хотя путешествие оказалось не из приятных: мы летели, задыхаясь, по обледенелому тракту – но ни скорость, ни неудобство не могли отвлечь меня от

мыслей о том, как мало у меня надежды сделать хоть что-нибудь, кроме как погибнуть, и то без особой пользы.

Это Борис предложил подвезти меня. Я и без слов поняла – он чувствует себя виноватым. Забрали меня – а не его девочку, не его дочку. Его дочка жива-здоровая, под родительским кровом, наверное, за ней женихи увиваются, а может, уже и просватана. А меня взяли: четырех месяцев не прошло – и вот меня уж и узнать нельзя.

– Ты знаешь, что случилось в Двернике? – спросила я, съезжившись под полстью в глубине саней.

– Нет, никаких вестей еще не было, – ответил он через плечо. – Сигнальные огни только что зажглись. Мы встретим гонца по дороге, если... – Борис прикусил язык. «Если там еще есть, кого послать», – собирался сказать он. – Где-нибудь на полпути встретим, думаю, – докончил он.

Летом отцовские тяжеловозы и громадная телега добирались до Дверника из Ольшанки почти целый день, с остановкой на полпути. Но в середине зимы на дороге лежал слой снега толщиной с фут, промерзший и отвердевший, и лишь сверху чуть припорошенный свежим, погода стояла ясная, а лошади были подкованы крепкими шипастыми подковами. Мы летели сквозь ночь. За несколько часов до рассвета сменили лошадей в деревушке Весна, толком не останавливаясь; я даже из саней не вылезла. Вопросов нам не задавали. Борис сказал только: «Мы в Дверник», и тамошние посмотрели на меня с любопытством и интересом, но без тени сомнения – меня явно не узнали. Пока впрягали свежих лошадей, жена конюха, кутаясь в теплую меховую шубу, вынесла мне свежего пирога с мясом и чашу с горячим вином.

– Не хотите ли согреть руки, госпожа? – спросила она.

– Спасибо, – неловко поблагодарила я, чувствуя себя самозванкой и чуть ли не воровкой. Но это не помешало мне заглотать пирог в один присест, а после того я и вино выпила до капли – главным образом потому, что не знала, что еще с ним сделать, чтобы не оскорбить хозяйку.

Голова тут же пошла кругом, мысли мешались, мир сделался мягким, теплым и уютным. Беспокойство слегка улеглось, мне заметно полегчало, а это означало,

что я выпила слишком много – ну да я все равно была признательна. Свежие лошади помчались быстрее, и спустя час, когда солнце уже высветило небо впереди нас, мы увидели, что по дороге, утопая в снегу, нам навстречу пробирается пеший путник. Мы подъехали ближе, и оказалось, это не он, а она. Это была Кася, в мальчишеской одежде и тяжелых сапогах. Она поспешила напрямик к нам; кроме нас, в Дверник никто не ехал.

С трудом переводя дух, Кася схватилась за край саней, присела в реверансе и тут же выпалила:

– Это скотина... порча затронула весь скот, а если коровы кого покусает, то на человека тоже перекидывается. Мы их всех заперли в загоне и кое-как сдерживаем, но там заняты все мужчины до последнего...

И тут я выкарабкалась из-под полсти и потянулась к ней.

– Кася, – задыхаясь, проговорила я, и она умолкла на полуслове и воззрилась на меня. Одну бесконечно долгую минуту мы неотрывно глядели друг на друга, словно онемев, а затем я приказала: – Быстро, лезь сюда, я все расскажу по дороге.

Она влезла в сани и уселась рядышком под полстью. И до чего же нелепую пару мы составили: она – в грязной одежде из грубого домотканого холста, позаимствованной у мальчишки-свинаря, поверх – громоздкая куртка из овчины, длинные волосы упрятаны под шапку, и я – в роскошном туалете. Вместе мы выглядели так, словно к бедняжке, выметающей золу из очага, неожиданно-негаданно нагрянула фея-крестная. Но руки наши сцепились намертво, крепче и правдивее всего того, что нас разделяло. Пока сани летели вперед, я сбивчиво, урывками, перескакивая с одного на другое, рассказала ей про все, что со мной было – про первые дни, тоскливую работу по хозяйству и про бесконечно долгие обморочные недели, когда Дракон впервые начал заставлять меня творить магию, и потом – уроки.

Кася так и не выпустила моей руки, и когда я наконец, запинаясь, сообщила ей, что умею колдовать, она заявила:

– Мне давно надо было понять. – Я аж задохнулась от изумления; так и вытаращилась на нее, разинув рот. – С тобой вечно происходило что-нибудь

странное. Ты убегала в лес – и возвращалась с ягодами, которым не сезон, или с цветами, каких никто и никогда не видел. Когда мы были маленькими, ты, помню, рассказывала мне сказки, которые тебе нашептали сосны. Но однажды твой брат посмеялся над тобою – дескать, ты все выдумываешь, – и ты перестала. Даже то, что твоя одежда всегда в беспорядке... так изгваздаться невозможно, даже если нарочно расстараться, а я-то знала, что ты не нарочно, ты никогда ничего не делала назло. Я однажды своими глазами видела, как какая-то ветка изогнулась и зацепилась за твою юбку – вот прямо сама потянулась к ней и дернула!..

Я отшатнулась и протестующе вскрикнула, и Кася умолкла. Я не хотела ничего слушать. Не хотела, чтобы Кася сказала, будто магия всегда была при мне и, значит, мне от нее никуда не скрыться.

– Вряд ли эта магия на что-то годилась, кроме как превращать меня в замарашку. Боюсь, это все, на что она способна, – попыталась отшутиться я. – Я пришла только потому, что Дракон в отъезде. А теперь рассказывай, что случилось!

И Кася принялась рассказывать. Мало не в одночасье занедужила вся скотина. У самых первых обнаружили следы зубов, словно их покусали невиданные громадные волки – притом что никаких волков в окрестностях не встречалось всю зиму.

– Это были коровы Ежи. И он не уничтожил их сразу, – серьезно проговорила Кася. Я кивнула.

Ежи следовало догадаться – нужно было тут же вывести коров из стада и перерезать им глотки, как только он заметил следы волчьих зубов. Никакой обыкновенный волк ничего подобного бы не сделал. Но Ежи жил бедно. У него не было ни полей, ни ремесла – только его коровы. Его жена иногда потихоньку приходила к нам попросить муки, и всякий раз, как я возвращалась из леса с богатой добычей, мать посылала меня к ним с корзинкой. Много лет Ежи пытался скопить денег, чтобы купить третью корову и выкарабкаться наконец из нищеты, и лишь два года назад преуспел. На празднике урожая его жена Кристина щеголяла в новом красном платке, отделанном кружевом, а он – в красном жилете, и оба прямо лучились от гордости. Они потеряли четырех детей еще до того, как успевали наречь их именем; и Кристина опять ходила в тягости. Вот Ежи и не уничтожил скотину сразу же.

– Коровы покусали его и смешались со стадом, – объясняла Кася. – А теперь вся скотина озверела, к ней даже приближаться опасно. Нешка, что нам делать?

Дракону, возможно, и ведом способ очистить скотину от порчи. А мне – так нет.

– Коров придется сжечь, – промолвила я. – Я надеюсь, потом Дракон как-нибудь поправит дело, но я не знаю, чем тут еще можно помочь. – По правде сказать, невзирая на весь ужас и страшный урон, я обрадовалась, я ужас до чего обрадовалась. По крайней мере, это не огнедышащие чудища какие-то и не смертоносное поветрие; здесь я могла сделать хоть что-то. Я извлекла из сумки огонь-сердце и показала его Касе.

Когда мы добрались до Дверника, никто со мной спорить не стал. Наша старица Данка при виде меня удивилась не меньше Каси и наших мужчин, но ее одолевали заботы не в пример более важные.

Все здоровые мужчины и те из женщин, кто покрепче, трудились посменно – оскальзываясь на льду, удерживали бедную измученную животину в загоне с помощью вил и факелов. Руки их немели от холода. Прочие жители деревни делали все, чтобы не дать им замерзнуть или умереть с голоду. Это было состязание – чьи силы иссякнут раньше – и деревня проигрывала. Селяне уже и сами попытались сжечь скот, но было слишком холодно. Дрова еще не успевали заняться, как коровы расшвыривали костер. Я рассказала Данке, что у меня за зелье, она закивала и послала всех, кто не был занят у загона, за ледорубами и лопатами – расчищать противопожарную просеку. А затем обернулась ко мне.

– Нам понадобятся твой отец и братья, чтобы привезти еще дров, – без обиняков заявила Данка. – Они дома, работали всю ночь. Я могу послать тебя за ними, но тебе и им, чего доброго, придется еще тяжелее, когда тебе наступит срок возвращаться в башню. Ты по-прежнему хочешь пойти?

Я сглотнула. Данка была права – но как я могла не ответить «да»? Кася по-прежнему крепко держалась за мою руку. Вместе мы побежали через всю деревню к моему дому.

– Можно ты войдешь первой и предупредишь их? – попросила я.

Так что, когда я переступила порог, мама уже плакала. Она никакого платья вообще не видела – только меня; мы бросились друг другу в объятия, да так и осели вместе в груды бархата на пол, а отец и братья, сонно пошатываясь, вышли из задних комнат – и обнаружили нас. Мы все зарыдали, наперебой твердя друг другу: плакать некогда. Я сквозь слезы объяснила отцу, что надо сделать. Он и братья выбежали запрягать лошадей, которые, слава небесам, были в безопасности в своем собственном крепком хлеву рядом с домом. Я, жадно ловя эти последние мгновения, присела за кухонный стол с мамой. Она снова и снова гладила ладонями мое лицо, а по ее щекам все бежали и бежали слезы.

– Мамушка, он меня не тронул, – заверила я, ни словом не обмолвившись про принца Марека. – Он хороший.

Мама не ответила, просто еще раз погладила меня по волосам.

Отец просунул голову в дверь:

– Мы готовы.

И мне пришлось уйти. Мама сказала:

– погоди минутку, – и исчезла в спальне. И тут же вернулась, неся узелок с моей одежкой и разной мелочью. – Я подумала, может, кто-нибудь из Ольшанки захватит это для тебя, – сказала она, – по весне, когда в башню повезут дары с праздника. – Мама снова поцеловала меня, на миг прижала к себе и выпустила. Стало еще больнее. Не то слово как больно.

Отец заезжал в каждый из деревенских домов, братья спрыгивали с телеги и забирали из дровяных сараев все то, что еще недавно сюда сгрузили – подчистую, до последнего прутика, – и перетаскивали огромные охапки дров на сани с высокими дышлами. Когда сани наполнились доверху, мужчины подкатили к загону, и я наконец-то увидела злополучную скотину своими глазами.

Коровы уже сами на себя не походили: их обезображенные туши страшно раздулись, рога выросли громадные, тяжелые, искривленные. Некоторые оцетинились стрелами и даже парой копий, которые глубоко вошли в плоть и

теперь торчали точно какие-то страшные шипы. Тварей, выходящих из Чащи, убить зачастую было невозможно – разве что сжечь или обезглавить; раны лишь доводили их до бешенства. У многих животных почернели передние ноги и грудь: это они затаптывали огонь. Коровы кидались на массивную деревянную ограду, взмахивали чудовищными тяжелыми рогами и гулко мычали – и от этого привычного, обыденного звука просто мороз подирал по коже. Им противостояла группа мужчин и женщин и целый лес вил, копий и заостренных кольев: люди тычками отгоняли чудищ назад.

Кое-кто из женщин уже вгрызался лопатами в землю, здесь, рядом с загонами почти не заснеженную, сгребая прочь сухую спутанную траву. За работами надзирала Данка. Она поманила отца ближе; наши лошади, почуяв в воздухе порчу, беспокойно зафыркали.

– Значит, так, – объявила старица, – мы будем готовы еще до полудня. Мы накидаем к ним в загон дров и сена, а потом подожжем факелы с помощью зелья и перебросим внутрь. По возможности не трать лишнего, вдруг нам понадобится вторая попытка, – добавила она, обращаясь ко мне. Я кивнула.

Подходили еще помощники: отдыхающих людей будили до срока, ведь для последнего великого усилия каждая пара рук была на вес золота. Все понимали: как только вспыхнет пламя, скотина в панике попытается проломить заслон. Все, кто был способен удержать в руках хотя бы палку, занял свое место в строю, готовясь сдерживать страшный напор. Прочие перебрасывали в загон тюки сена, загодя разорвав завязки, так что сено в беспорядке рассыпалось; мои братья принялись закидывать туда же охапки дров. Я беспокойно переминалась с ноги на ногу рядом с Данкой, сжимая в руках склянку и чувствуя, как под пальцами вихрится и пульсирует горячая магия, как будто знает – скоро ее освободят и приставят к делу. Наконец, сочтя, что все подготовлено как должно, Данка протянула мне первую «вязанку» для розжига: длинное сухое бревно раскололи надвое до середины, а в трещину напихали мелких веточек и сена и надежно обвязали.

Огонь-сердце взревел и попытался выплеснуться из склянки, едва я сломала печать; мне даже пришлось придержать пробку. Зелье недовольно отхлынуло назад, я резко выдернула затычку и плеснула – скорее чуть капнула – на самый конец «вязанки». Бревно вспыхнуло мгновенно: Данка едва успела спешно перебросить его через заграждение и тут же отвернулась и, морщась, сунула руку в сугроб: пальцы у нее уже покраснели и покрылись волдырями. Я что есть

сил заталкивала пробку обратно; к тому времени, как я подняла глаза, пламя уже поглотило загон до половины, а скотина яростно ревела.

Неистовство магии застало нас врасплох, хотя мы, конечно, все были наслышаны об огонь-сердце – про него упоминалось в бесчисленных балладах о войнах и осадах, а еще в историях о его создании: дескать, чтобы сделать одну-единственную склянку, требуется в тысячу раз больше золота, самые могущественные маги варят этот эликсир в котлах из цельного камня. Я благоразумно умолчала о том, что вообще-то взяла зелья из башни без спросу; если Дракон на кого и разгневается, то пусть только на меня одну.

Но легенды – это одно, а увидеть такое своими глазами – совсем другое. Мы все оторопели, а порченая скотина прямо обезумела. Десять коров сбились в кучу и атаковали заднюю стену – ударили в нее всей тяжестью, не обращая внимания на стрекала и колья. Мы все отчаянно боялись рогов и зубов чудовищ, да что там – даже прикоснуться к ним боялись: ведь пагуба Чащи так легко передается. Горсточка защитников отпрянула назад, Данка яростно вопила, заграждение уже начинало подаваться.

Дракон научил меня – с мрачным упорством он занимался со мною снова и снова, до бесконечности! – несколькими мелкими заклинаниями починки, восстановления и подновления. И не то чтобы я так уж в них преуспела, но отчаяние придало мне сил: я вскарабкалась на пустые отцовские сани, указала рукою на заграждение и воскликнула:

– Паран кивиташ фарантем, паран паран кивитам!

Я знала, что где-то один слог пропустила, но получилось почти похоже: самая крупная поперечина, которая уже треснула, встала на место целехонькая и внезапно выпустила веточки и новые листья, а старые железные крепления распрямились сами собою.

С места не стронулась одна только старая Ханка. «Больно я сердитая, чтоб помереть-то», – отмахивалась она потом, когда все наперебой восхваляли ее за храбрость. Ханка сжимала в руках лишь обломок деревянной ручки от граблей: зубья уже отломались и застряли у быка между рогами. Обломок внезапно превратился в длинный заостренный блестящий металлический прут – стальной, между прочим! – и Ханка ткнула им прямо в разъявленную ревущую пасть одной

из коров, яростно рвущейся наружу. Копье пронзило коровий череп насквозь, вышло с другой стороны, громадная зверюга всей тяжестью рухнула на забор и мертвая осела на землю, перегородив путь остальным.

Худшее было позади. В течение еще нескольких минут мы сдерживали натиск чудищ в других местах, но наша задача становилась все легче; к тому времени всю скотину охватило пламя и в воздухе разлилась непереносимая тошнотворная вонь. Охваченные паникой, коровы утратили всю свою извращенную хитрость и снова стали просто животными: они напрасно кидались на заграждение и друг на друга, пока не погибали в огне. Я еще дважды использовала заклинание починки и под конец уже обессиленно повисала на Касе, которая забралась в сани поддержать меня. Дети постарше бегали туда-сюда, тяжело дыша, с ведрами полурастаявшего снега, и тушили падающие на землю искры. Все до одного мужчины и женщины, изнемогая от усталости, размахивали стрекалами; лица их покраснелись и повлажнели от пота, а спины мерзли на холодном ветру, но все вместе мы удержали-таки зверюг в загоне, и ни огонь, ни порча не распространились дальше.

Наконец пала последняя корова. Внутри загона шипел дым и потрескивал жир. Мы все обессиленно расселись неровным кольцом вокруг загона, вне досягаемости чада, и смотрели, как огонь-сердце успокаивается, догорает, все обращая в золу. Многие раскашлялись. Не слышно было ни разговоров, ни одобрительных возгласов. Для торжества причин не было. Мы все порадовались, что самой страшной опасности удалось избежать, но цена оказалась непомерной. Пламя довело до нищеты не одного только Ежи.

- А Ежи еще жив? - тихо спросила я Касю.

Она замялась, затем кивнула.

- Я слышала, он сильно затронут, - промолвила она.

Чащобная хворь не всегда оказывалась неизлечимой: я знала, Дракону уже доводилось спасать таких бедолаг. Два года назад восточный ветер застал нашу подружку Трину на берегу реки: она там стирала белье. Трина вернулась совсем больная, с трудом передвигая ноги; содержимое ее корзинки припорошило слоем серебристо-серой пыли. Ее мать не пустила Трину в дом. Она бросила одежду в огонь, отвела дочку обратно к реке и несколько раз окунула ее в воду.

А Данка тотчас же отправила в Ольшанку быстрого гонца.

Тем вечером явился Дракон. Я, помню, прибежала к Касе, и мы вдвоем притаились на ее заднем дворе – посмотреть, что будет. Дракона мы не видели; видели лишь, как в верхнем окне Тринино дома вспыхивает холодный синий свет. Поутру тетушка Трины сказала мне у колодца, что девочка поправится; а два дня спустя появилась и сама Трина, такая же, как всегда, только выглядела немного усталой, точно перенесла тяжелую простуду. Зато – радость-то какая! – ее отец уже копал колодец рядом с домом, чтобы ей никогда больше не ходить стирать на реку.

Но это же был всего лишь порыв тлетворного ветра, жалкая горстка пыльцы. А здесь... здесь случилось одно из худших заражений на моей памяти. Захворало столько коров, да так страшно... и они распространили порчу вокруг себя так стремительно – верный знак того, что все хуже некуда!

Данка услышала, что мы разговариваем о Ежи. Она подошла к саням и посмотрела мне в лицо.

– Ты можешь что-нибудь для него сделать? – напрямик спросила старица.

Я понимала, о чем она спрашивает. Если порчу не изгнать, смерть будет медленной и страшной. Чаща поглощает свою жертву точно гниль, пожирающая поваленное дерево: выедает человека изнутри, и остается чудовище, наполненное ядом и помышляющее лишь о том, чтобы распространить яд дальше. Если бы я сказала, что ничего не могу сделать, если бы призналась, что ничего не смыслю, если бы пожаловалась, что обессилена – а ведь Ежи затронут так сильно, и до приезда Дракона еще неделя, а то и больше, – Данка отдала бы приказ. Она отправится вместе с несколькими мужчинами в дом к Ежи. Они заберут Кристину на другой конец деревни. А потом мужчины войдут в дом и выйдут снова, с тяжелой, накрытой саваном ношей. Они принесут тело сюда – и бросят его на погребальный костер, к догорающим тушам.

– Я могу попробовать, – сказала я.

Данка кивнула.

Я медленно, с трудом выкарабкалась из саней.

– Я пойду с тобой, – вскинулась Кася, подхватила меня под руку и поддержала. Она без всяких слов видела – мне нужна помощь. И мы потихоньку побрели к дому Ежи.

Дом Ежи стоял в очень неудобном месте, на окраине, дальше всех прочих от загона; лес подступал к самому его садику. Полдень не так давно миновал, но дорога была необычно тиха и пустынна: ведь вся деревня собралась у пожарища. Снег, нападавший за ночь, похрустывал под нашими ногами. Я неуклюже увязала в сугробах в этом своем дурацком платье, но не хотела тратить остаток сил на то, чтобы преобразить его во что-то более практичное. Уже подходя к дому, мы услышали рычание, бульканье и стоны: они не умолкали ни на миг и звучали все громче и громче, по мере того, как мы подходили ближе. Я не сразу собралась с духом постучать в дверь.

Домик был невелик, но ждать пришлось долго. Наконец Кристина чуть приоткрыла дверь, выглянула сквозь щелочку и уставилась на меня, не узнавая. Да ее и саму-то узнать оказалось непросто: под глазами у нее пролегли темно-фиолетовые круги, а живот непомерно раздулся. Кристина оглянулась на Касю. Та объяснила:

– Агнешка пришла из башни помочь нам. – И Кристина перевела глаза на меня.

Минута тянулась бесконечно долго. Наконец Кристина хрипло промолвила:

– Заходите.

Она, оказывается, сидела в кресле-качалке перед очагом, у самой двери. Я поняла: она ждала – ждала, что придут мужчины и заберут Ежи. Комнат в домишке было всего две: эта и еще одна; дверной проем закрывала жалкая занавеска. Кристина вернулась к качалке и снова села. Она не шила, не вязала, не предложила нам чаю; просто отрешенно смотрела на огонь и раскачивалась взад-вперед. В доме стоны зазвучали еще громче. Я крепко стиснула Касину руку, и мы вместе подошли к занавеске. Кася отдернула ее в сторону.

Ежи лежал на кровати. Кровать была тяжелая, грубо сколоченная из нескольких небольших бревен, но сейчас оно оказалось и к лучшему. Недужного привязали за руки и за ноги к стойкам кровати и еще обмотали веревками посередине,

пропустив их под деревянный остов. Кончики пальцев ног у Ежи почернели, ногти с них облезали, а там, где веревки терлись о кожу, образовались открытые язвы. Больной с грохотом рвался из пут и стонал, язык его потемнел и распух, забив собою весь рот. Когда мы вошли, он ненадолго угомонился. Приподнял голову, посмотрел прямо на меня, улыбнулся – зубы в крови, глаза пожелтели. И вдруг расхохотался.

– Ишь какая, – хихикал он, – маленькая ведьмочка, ишь какая, ишь ты какая! – выводил он нараспев жутким лязгающим голосом, то громче, то тише. Вот Ежи дернулся всем телом, натягивая веревки, вместе с кроватью подпрыгнул на дюйм ближе ко мне – а сам ухмылялся, ухмылялся все шире.

– Подойди-ка ближе, ближе подойди, – тянул он, – крошка-Агнешка, ближе, ближе, ближе, – точно детскую песенку напевал, ужас да и только; а кровать, подпрыгивая, рывками продвигалась ко мне. Трясущимися руками я открыла суму с зельями, стараясь не глядеть на недужного. Я в жизни не оказывалась так близко к тому, кем завладела Чаща. Кася так и не убрала ладоней с моих плеч, она стояла очень прямая и спокойная. Думаю, если бы не она, я бы уже убежала.

Я не помнила заклинания, которым Дракон исцелил принца, но он научил меня заговору, заживляющему мелкие порезы и ожоги: я ведь, когда готовила или мыла, аккуратностью не отличалась. Я решила попробовать – вреда-то не будет. Я негромко запела, перелила глоток эликсира в большую ложку, морщась от вони гниющей рыбы, и мы с Касей осторожно двинулись к Ежи. Он клацнул на меня зубами и напряг руки, выкручиваясь из веревок – аж кровь выступила! – и пытаюсь дотянуться до меня и оцарапать. Я в нерешительности замешкалась. Еще не хватало, чтоб он меня укусил.

– Погоди-ка, – сказала Кася. Она вышла в соседнюю комнату и вернулась с кочергой и плотной кожаной перчаткой для помешивания углей. Кристина проводила ее отупевшим, равнодушным взглядом.

Мы положили кочергу на шею недужному и надавили с обоих концов, вынуждая Ежи лежать плашмя, а затем моя бесстрашная Кася надела перчатку, протянула руку и сверху зажала ему нос. Она держала крепко, хоть он и замотал яростно головой туда-сюда, так что в конце концов Ежи вынужден был открыть рот, чтобы вдохнуть. Я влила ему эликсир и вовремя отпрыгнула: он задрал подбородок и успел-таки прихватить зубами кусочек кружева на моем

бархатном рукаве. Я вырвалась и отступила назад, продолжая срывающимся голосом выпевать заговор, а Кася убрала кочергу, подошла и встала рядом со мной.

Памятного мне слепящего свечения не возникло, но по крайней мере жуткий речитатив стих. Я следила, как мерцающий эликсир течет вниз по горлу Ежи. Он откинулся назад и остался лежать, слабо подергиваясь и глухо, протестующе постанывая. Я все пела. На глаза мои наворачивались слезы, я очень устала. Мне было так же плохо, как в первые дни, проведенные в Драконовой башне – нет, еще хуже, – но я продолжала петь заклинание, потому что не могла заставить себя остановиться, пока думала, что, возможно, оно как-то изменит кошмарный ужас, с которым мне поневоле приходится иметь дело.

Заслышав мое пение, Кристина медленно поднялась из кресла в соседней комнате и подошла к дверному проему. В лице ее засветилась исступленная надежда. Светоносный эликсир застрял в животе у Ежи как пылающий уголь; он сиял, и несколько кровавых язв на груди и запястьях больного зажили на глазах. Но пока я пела, темные клочья зелени заскользили поверх лучезарного сгустка: так облака наползают на полную луну. Наплывали все новые и новые, обступали пятно света со всех сторон, загустевали – и вот сияние погасло. Ежи постепенно перестал подергиваться, все тело его расслабилось. Мое пение беспомощно оборвалось. Я подалась чуть вперед, все еще надеясь, и тогда... и тогда он приподнял голову; в желтых глазах вспыхнуло безумие, и он опять хрипло захохотал:

– Попробуй еще раз, крошка-Агнешка, – и Ежи клацнул зубами в воздухе, словно пес. – Иди попробуй еще раз, иди сюда, иди-иди-иди сюда!

Кристина застонала вслух, съехала по дверному косяку на пол и осталась лежать бесформенной грудой. Слезы жгли мне глаза. Меня тошнило, внутри образовалась сосущая пустота – я проиграла! Ежи жутко хохотал и опять подпрыгивал вместе с кроватью, рывок за рывком подбираясь ко мне: стук-постук тяжелых ножек по деревянному полу; ничего не изменилось. Чаща победила. Порча оказалась слишком сильна и въелась чересчур глубоко.

– Нешка, – тихо и удрученно произнесла Кася, и это прозвучало вопросом. Я вытерла нос тыльной стороной ладони и снова мрачно зашарила в суме.

– Выведи Кристину из дому, – велела я и подождала, пока Кася поможет Кристине встать и выйти. Та тихонько запричитала. Напоследок Кася встревоженно обернулась ко мне, я попыталась ей улыбнуться, вот только губы не слушались.

Прежде чем осторожно подобраться к постели, я сняла тяжелый бархатный тюник юбки и обмотала им лицо, прикрыв нос и рот трижды, четырежды, пока едва не задохнулась сама. Затем набрала в грудь побольше воздуха, задержала дыхание, взломала печать на серой взболтанной склянке и плеснула немножко камень-заклинания прямо в ухмыляющуюся, рычащую морду Ежи.

Я тут же снова заткнула склянку пробкой и поспешно отпрыгнула назад. Ежи уже сделал вдох: дым втягивался в его ноздри и рот. В лице больного отразилось изумление – и кожа тут же начала сереть и отвердевать. Рот и глаза так и остались открытыми. Ежи умолк; тело его застыло недвижно, руки словно сковало на месте. Вонь порчи постепенно спадала. Камень обтекал его подобно волне. И вот уже все кончено: я тряслась от облегчения и ужаса, а передо мной на постели лежала связанная статуя – статуя с искаженным нечеловеческой яростью лицом, изваять которую мог бы разве что безумец.

Я убедилась, что склянка вновь надежно запечатана, убрала ее в суму и только тогда пошла и открыла дверь. Кася и Кристина дожидались во дворе, по колено в снегу. Лицо Кристины было мокрым и безнадежным. Я впустила их в дом: Кристина подошла к узкому проему и уставилась на примотанную к кровати статую, временно исторгнутую из жизни.

– Он совсем не чувствует боли, – заверила я. – И хода часов и дней не осознает; я тебе клянусь. Так что, если Дракон все-таки знает, как убрать порчу... – Голос мой прервался. Кристина безвольно осела в кресле, как будто не могла больше поддерживать собственный вес, и опустила голову. Я сама не знала, оказала ли ей услугу или просто оградила себя от лишней боли. Я не слыхала, чтобы бедолаг, затронутых так глубоко, как Ежи, удавалось исцелить. – Я не знаю, как спасти его, – тихо промолвила я. – Но может, у Дракона получится, когда он вернется. Я подумала, попробовать стоит.

По крайней мере, в доме стало поспокойнее: ни тебе завываний, ни вонючей порчи. Страшная, бессмысленная отрешенность сошла с Кристинино лица, как будто прежде ей даже думать было невыносимо, а спустя мгновение она коснулась ладонью живота и посмотрела вниз, на него. Она дохаживала

последние дни: я видела сквозь одежду, как дитя чуть шевелится. Кристина подняла глаза на меня:

– А коровы?

– Сгорели, – отозвалась я, – все до единой.

Кристина понурилась: ни мужа, ни скотины, и ребенок на подходе. Данка, конечно, попытается ей помочь, но год будет трудным для всей деревни.

– А у тебя не найдется платья в обмен на вот это? – внезапно спросила я. Кристина недоуменно вытаращилась на меня. – Я в нем больше ни шагу не сделаю. – Все еще сомневаясь, она выкопала откуда-то старое штопаное-перештопаное платье и плащ из грубой шерсти. Я с радостью сбросила громоздкий бархатно-шелково-кружевной наряд рядом с ее столом; наверняка он стоит не меньше коровы, а молоко в деревне какое-то время будет дорого.

Когда мы с Касей снова вышли наружу, уже темнело. Костер в загоне еще горел: в противоположном конце деревни мерцало ярко-оранжевое зарево. Все дома стояли покинутыми. Ледяной воздух проникал сквозь тонкую одежонку, а сама я была выжата досуха. Я упрямо ковыляла за Касей, а та утаптывала для меня снег и то и дело оборачивалась, чтобы взять меня за руку и немного поддержать. Одна отрадная мысль грела мне душу: в башню я вернуться не смогу. Так что я пойду домой к маме и побуду там, пока Дракон не явится за мною; а куда еще мне деться-то?

– Его не будет по меньшей мере неделю, – объяснила я Касе, – и, может, я ему так надоела, что он позволит мне остаться. – Этого мне произносить не следовало даже про себя. – Не говори никому, – поспешно добавила я.

Кася остановилась, обернулась, крепко обняла меня.

– Я была готова пойти с ним, – промолвила она. – Все эти годы я была готова храбро пойти с ним, но когда он забрал тебя, я этого просто не могла вынести. Все оказалось зря, все впустую, а жизнь текла как обычно, как будто тебя и не было никогда... – Она умолкла. Мы постояли немного, держась за руки, плача и улыбаясь друг другу, и тут Кася изменилась в лице, дернула меня за рукав и потянула назад. Я обернулась.

Они вышли из леса – неспешным, размеренным шагом, широко расставляя лапы; они ступали, не проламывая наста. В наших лесах водились волки – проворные, ловкие, серые; они могли украсть раненую овцу, но от охотников убегали. Эти волки были не наши. Массивная покрытая белой шерстью спина такого волка доходила мне до пояса, из пасти вываливался розовый язык; гигантские зубастые челюсти смыкались одна с другой. Волки смотрели на нас – смотрели на меня – бледно-желтыми глазами. Ну конечно, Кася же рассказывала, что первые занедужившие коровы были покусаны волками.

Вожак стаи был чуть меньше остальных. Он понюхал воздух, повел носом в мою сторону, дернул головой, не отрывая от меня глаз. Из-за деревьев неслышно вышли еще два волка. Стая рассредоточилась, как будто повинуюсь сигналу, взяла меня в клещи, не оставляя пути к бегству. Волки охотились – и охотились они на меня.

– Кася, – приказала я, – Кася, беги, беги сейчас же! – Сердце мое неистово колотилось. Я вырвала у нее руку и зашарила в суме. – Кася, беги! – крикнула я, вытащила пробку и плеснула камень-зельем в вожака уже в прыжке.

Вокруг зверя соткался серый туман – и гигантская каменная статуя волка рухнула к моим ногам как тяжелая глыба. Рычащие челюсти прежде чем окаменеть окончательно, напоследок щелкнули у самой моей лодыжки. Еще один волк оказался на краю тумана: каменная волна медленнее расползлась по его телу, а он, пытаясь удрать, когтил снег передними лапами.

Кася не побежала. Она схватила меня за руку, помогла подняться и потащила к ближайшему дому – Евиному. Волки хором протестующе взвыли, опасливо потыкались носами в две статуи, затем один тьякнул, а остальные вроде как согласились. Звери развернулись и скачками понеслись к нам.

Кася втянула нас в калитку Евиного сада и захлопнула ее. Но волки перескочили через забор легко, как олени. Я побоялась кидать в них огонь-сердцем, ведь после всего того, что я навидалась в тот день, я понимала – пожара ничто не остановит: огонь сожжет дотла всю нашу деревню, а может, и всю долину, а нас двоих так уж точно. Вместо того я достала маленькую зеленую склянку, надеясь, что сумею отвлечь волков и мы забежим в дом. «От него трава растет», – небрежно пояснил Дракон в ответ на мой вопрос. Теплый, здоровый цвет склянки казался мне таким дружелюбным и приветливым, в отличие от всех

прочих странных и холодных чар в его лаборатории. «И еще сорняки в запредельном количестве; этот эликсир хорош, только если поле пришлось выжечь дочи́ста». Я еще подумала, я им воспользуюсь после огонь-сердца, чтобы возродить наше пастбище. Трясущимися руками я выдернула пробку, и зелье потекло мне в горсть, распространяя дивный аромат – чистый, свежий и благодатный; на ощупь оно казалось приятно-клейким, как смятая трава и листья по весне, полные сока. Я выплеснула жидкость из горсти в заснеженный сад.

Волки уже неслись прямо на нас. Из мертвых грядок точно прыгучие змеи вырвались ярко-зеленые вьющиеся стебли, накинулись на волков, оплетая им лапы тугими петлями, и повергли на землю в каких-нибудь нескольких дюймах от нас. Все внезапно пошло в рост, точно целый год вместился в минуту: бобы, и хмель, и тыквы расплзались по земле и выросли до немыслимых размеров. Они преградили волкам путь; те отбивались, лязгали зубами и пытались прорваться сквозь заросли. Вьюны удлинялись и удлинялись – и наконец выпустили шипы размером с ножи. Одного волка придавил набухающий скрученный побег, толстый, как древесный ствол, а на другого обрушилась тыква – такая тяжелая, что, лопнув, опрокинула зверюгу наземь.

Я глядела разинув рот. Кася настойчиво встряхнула меня, я обернулась и, спотыкаясь, бросилась следом за нею. Парадная дверь дома не открывалась, сколько Кася ее ни дергала. Мы кинулись в маленький пустой сарайчик – строго говоря, всего-то-навсего свинарник – и заперлись изнутри. Вил там не нашлось, их унесли к загону. Из оружия остался лишь топорик для рубки дров. Я в отчаянии схватилась за него, а Кася подперла дверь. Остальные волки продрались сквозь буйствующий сад и теперь снова пытались до нас добраться. Они вставали на дыбы, когтили дверь, рывкали на нее – и вдруг зловеще стихли. Мы слышали какую-то возню; затем по другую сторону сарайчика, под крохотным высоким окном раздался вой. Мы встревоженно обернулись: три волка уже протиснулись сквозь окно, прыгая один за другим. А остальные ответно взвыли из-за двери.

В голове было пусто. Я попыталась вспомнить хоть какой-нибудь заговор, хоть какое-нибудь заклятие, которому меня учили – что-нибудь, что помогло бы против этих чудищ. Может, это зелье возродило меня подобно саду, а может, это сделала паника – обморочная слабость ушла, и я полагала, что снова смогу наложить заклинание, вот только бы придумать какое. Я лихорадочно прикинула, нельзя ли создать доспехи с помощью «ванасталем», а затем

произнесла «рауталем?» – наугад, соединив его с заговором для заточки кухонных ножей – и схватила старую помятую жестяную поилку. Я плохо себе представляла, на что это заклинание способно, но надежда умирает последней. Возможно, магия пыталась спасти меня и себя, потому что поилка расплющилась и превратилась в громадный щит из прочной стали. Мы с Касей забились в угол, загородившись щитом, – и тут волки прыгнули.

Кася выхватила у меня топорик и принялась рубить по когтям и носам, высовывающимся из-за края щита, пытаюсь его опрокинуть или вырвать у нас из рук. Мы обе отчаянно вцепились в рукоятки щита, и тут, к вящему моему ужасу, один из волков – это волк-то! – неторопливо подошел к запертой двери сарая и носом отодвинул задвижку.

Волчья стая хлынула внутрь. Бежать было некуда, никаких иных фокусов у меня в запасе не осталось. Мы с Касей жались друг к другу, держась за щит – и вдруг позади нас стена сарая исчезла, словно ее и не было. Мы рухнули навзничь в снег, к ногам Дракона. Волки, завывая, прыгнули на него, все как один, но Дракон воздел руку и пропел невысказанно длинную строку, не останавливаясь даже дух перевести. И все волки одновременно переломились в воздухе надвое – с жутким звуком, точно ветки захрустели. И беспорядочной мертвой грудой попадали в снег.

Мы с Касей по-прежнему держались друг за друга; вокруг нас один за другим с глухим стуком падали волчьи трупы. Мы глядели вверх, на Дракона, а он обжег меня яростным, негодующим взглядом и прорычал:

– Из всех глупостей, которые ты только могла натворить, ты, чудовищная полоумная девчонка...

– Осторожно! – вскрикнула Кася, но поздно: последний, прихрамывающий волк, весь в оранжевых ошметках тыквы, перемахнул через стену сада, и хотя Дракон, уже оборачиваясь, выкрикнул заклинание, зверь, прежде чем повалиться мертвым, задел-таки его руку острым когтем. Три яркие капли крови упали в снег.

Дракон рухнул на колени и схватился за предплечье. В черной шерстяной куртке зияла дыра. Вокруг царапины плоть уже зеленела от порчи. Там, где его пальцы вцепились в руку, нездоровое пятно дальше не расползлось, слабое сияние

обвело по контуру его кисть, но вены предплечья набухали на глазах. Я зашарила в суме, ища эликсир.

– Лей, – процедил Дракон сквозь зубы, когда я попыталась поднести склянку к его губам. Я вылила жидкость на рану, мы все затаили дыхание, но черное пятно никуда не делось: просто распространялось уже не так быстро.

– В башню, – приказал Дракон. На лбу его выступил пот. Зубы у него свело, говорил он с трудом. – Слушай: зокинен валису, акенеж хинису, кожонен валису.

Я вздрогнула: неужто он поручает это мне – заклинанием вернуть нас назад?

Но ничего больше Дракон не прибавил. Все его силы явно уходили на то, чтобы сдерживать порчу. Слишком поздно вспомнила я, как он рассказывал: если Чаща возьмет меня, ведьму необученную и никчемную, она превратит меня в ходячий ужас. А что Чаща сделает из него, первого мага королевства?

Я обернулась к Касе и вложила ей в руку склянку с огонь-сердцем.

– Скажи Данке, пусть пошлет кого-нибудь к башне, – с обреченным отчаянием сказала я. – Если мы оба не выйдем и не подтвердим, что все в порядке, если возникнет хоть тень сомнения – сожгите башню дотла.

Глаза Каси расширились от тревоги за меня, но она кивнула. Я обернулась к Дракону и опустилась на колени рядом с ним.

– Хорошо, – коротко бросил он, быстро оглянувшись на Касю. Я поняла, что мои худшие страхи отнюдь не беспочвенны. Я схватилась за его руку, зажмурилась и мысленно представила себе комнату башни. И произнесла нужные слова.

Глава 6

Поддерживая Дракона, я кое-как помогла ему пересечь прихожую – преодолеть последние несколько шагов до моей комнатухи. Из окна все еще свисала веревка, связанная из шелковых платьев. Довести Дракона до его собственных

покоев не было никакой надежды; он повисал на мне мертвым грузом, даже когда я опускала его на кровать. Он по-прежнему держался за предплечье, каким-то образом замедляя порчу, но разлитое по его руке сияние слабело с каждой минутой. Я уложила его на подушки и встревоженно склонилась над ним, ожидая, что он что-нибудь скажет, объяснит мне, что делать, но он не проронил ни слова; его глаза незряче глядели в потолок. Крохотная царапина распухла как самый страшный паучий укус. Дышал Дракон часто и прерывисто, а предплечье ниже того места, где смыкались его пальцы, окрасилось в жуткий зеленый цвет – в точности как пятна на коже у Ежи. Ногти его рук чернели на глазах.

Я помчалась в библиотеку, оскальзываясь на ступенях – даже голень себе до крови расцарапала, сама того не заметив. Книги, как всегда, стояли аккуратными изящными рядами – безмятежные и равнодушные к моим нуждам. С некоторыми я уже познакомилась довольно близко: я бы назвала их давними врагами. Они были битком набиты заговорами и заклинаниями, которые в моих устах вечно искажались до неузнаваемости, а сами страницы неприятно подрагивали, стоило мне дотронуться до пергамента. Но я все равно вскарабкалась по приставной лесенке и сняла книги с полок; я открывала тома один за другим, листала, проглядывала длинные списки – и все зря. Возгонка миртовой эссенции, безусловно, чрезвычайно полезна в самых разных видах чародейства, но не прямо сейчас; а уж до чего досадно было потратить лишнее мгновение на шесть рецептов запечатывания склянки с зельем – словами и не передать!

Но эти бесполезные попытки задержали меня достаточно, чтобы поразмыслить как следует. Я поняла, что нет никакой надежды отыскать способ справиться с подобным кошмаром в книгах заклинаний, по которым Дракон меня учил: ведь он сам постоянно твердил мне, что в них содержатся самые простенькие заклинания и всякая ерунда – даже самый ничтожный маг освоит их играючи. Я с сомнением покосилась на нижние полки, где Дракон хранил фолианты, которые читал сам и к которым мне строго-настрого запрещал прикасаться. Одни были переплетены в новехонькую неповрежденную кожу с золотым тиснением; другие, совсем древние и ветхие, едва не рассыпались в руках; одни в высоту – что мое предплечье, другие такие махонькие, что умещались в ладони. Я провела рукой по корешкам и наугад вытащила небольшой томик в потертой обложке с выдавленными буквами, из которого во все стороны торчали закладки.

Это оказался дневник, исписанный мелким корявым почерком, поначалу почти неразборчивым – сплошь сокращения, и ничего больше. А на вкладках содержались пометки, сделанные рукой Дракона: такими листками, одним или несколькими, были переложены, почитай что, все страницы. Он подробно описывал, как налагать то или иное заклинание разными способами. Что ж, это уже обнадеживает: как будто его голос мог заговорить со мной с бумаги.

В книжице обнаружилось с десяток заклинаний для исцеления и очистки ран от хвори и гангрены – но не от магической порчи. Ну да по крайней мере попробовать стоило. Я прочла одно такое: в нем советовалось вскрыть отравленную рану ланцетом, поставить припарку из розмарина с лимонной цедрой и сделать что-то, что автор описал как «вложить свое дыхание». Дракон исписал на эту тему целых четыре страницы снизу доверху, отчеркивая и размечая чуть ли не пять десятков вариаций: столько-то розмарина, высушенного или свежего; столько-то лимона, с нижним белым слоем или без, стальной нож, железный нож, одно заклятие и другое.

Дракон не уточнил, какой из вариантов срабатывает лучше, а какой хуже; но раз он так бился над этим заклинанием, видать, на что-то оно годится. А прямо сейчас мне надо было только привести его в сознание, чтобы он сказал мне хотя бы несколько слов, дал хоть какие-то наставления. Я метнулась в кухню, нашла целый веник сушеного розмарина и лимон. Взяла нож для чистки овощей, свежие льняные тряпицы и горячую воду в горшке.

А затем замешкалась: взгляд мой упал на громадный мясницкий тесак, лежащий на колоде. Если я ничего больше не сумею, если не дам ему сил заговорить, не знаю, справлюсь ли хоть с этим – смогу ли отрубить ему руку... Но я же своими глазами видела привязанного к кровати Ежи – хихикающее чудовище, совершенно непохожее на моего тихого и грустного односельчанина, который всегда здоровался со мною на улице; видела я и опустошенное лицо Кристины. Я сглотнула – и подобрала тесак.

Я наточила оба лезвия, решительно стараясь ни о чем не думать, и понесла все наверх. Окно и дверь стояли распахнутыми, и все равно в моей комнатухе уже скапливалась мерзкая вонь порчи. В животе холодело от ужаса и тошноты. Если Дракона пожрет порча, я этого просто не вынесу, не смогу смотреть, как выгнивают вся его жесткость, и резкость, и острые углы, а язвительная насмешливость сменяется воем и рычанием. Дышал он прерывисто, глаза оставались полужакрыты. Лицо бледное как полотно. Я подложила льняные

тряпицы ему под руку и подвязала бечевкой. Широкими полосками счистила с лимона кожуру, обломала розмариновые листики со стеблей, размяла это все хорошенько и швырнула в горячую воду, чтобы пряный и крепкий запах изгнал вонь. Затем закусила губу и, собравшись с духом, вскрыла опухшую рану ножом. Наружу хлынула зеленая смолистая желчь. Я принялась лить горячую воду – чашку за чашкой, пока рана не очистилась. А тогда горстями выловила из горшка размоченный розмарин с лимоном и крепко привязала припарку к ране.

В Драконовых записях ни слова не говорилось о том, как «вложить в рану дыхание», поэтому я нагнулась и зашептала над ней заклятия, пробуя одно, потом другое. Голос у меня срывался; все наговоры казались неправильными, нелепыми, колючими, и ровным счетом ничего не происходило. В отчаянии я снова вчиталась в неразборчивые каракули оригинала. Там в одной строчке говорилось: «Кай» и «тихас», спетые как нравится, особенно пользительны». Все Драконовы заклинания содержали в себе вариации этих слогов, но, нанизанные вперемежку с другими и выстроенные в длинные прихотливые фразы, они так и повисали у меня на языке. Тогда я наклонилась и запела: «Тихас, тихас, кай тихас, кай тихас», снова и снова – и внезапно поймала себя на том, что пою на мотив деньрожденческой песни – песни-пожелания прожить сотню лет.

Звучит глупо, да, но простенький, знакомый мотив утешал и словно бы успокаивал. Я перестала думать о словах: они сами заполняли мой рот и выплескивались, как вода из чашки. Я уже не вспоминала безумный хохот Ежи и гнусное зеленое облако, задушившее свет внутри его. Осталось только легкое движение песни да воспоминание о счастливых смеющихся лицах вокруг стола. И вот наконец хлынула магия, но не так, как на уроках, когда Драконовы заклинания резко выдергивали ее из меня. Вместо того звук песни превратился в поток, несущий в себе магию, а я словно бы стояла у кромки воды с бездонным кувшином и вливала в стремительную реку тонкую серебряную струйку.

Под моими руками пряное благоухание розмарина и лимона набирало силу, разгоняя вонь порчи. Желчь из раны потекла снова, еще и еще; мне бы полагалось беспокоиться, да только рука Дракона выглядела все лучше и лучше: жуткий зеленоватый оттенок спадал, потемневшие, распухшие вены втягивались внутрь.

У меня уже не хватало дыхания. Кроме того, я каким-то образом почувствовала, что пора заканчивать – работа моя исполнена. Я завершила мелодию простеньким перепадом нот: вверх-вниз; под конец я уже не столько пела,

сколько мурлыкала себе под нос. Сияющее зарево там, где он держал руку у локтя, разгоралось сильнее и ярче – и вдруг тонкие росчерки света выстрелили из-под его пальцев и растеклись по венам точно ветки. Гниль исчезала; плоть выглядела вполне здоровой, по коже вновь разлилась обычная нездоровая бессолнечная бледность, всегда ему присущая.

Я глядела, затаив дыхание и едва смея надеяться, и тут Дракон заворочался. Глубоко вдохнул, заморгал, глядя в потолок – взгляд его снова стал осмысленным, – и пальцы, намертво стискивающие локоть, разжались один за другим. Я едва не разрыдалась от облегчения: недоверчиво и обнадеженно я глядела в его лицо, губы мои сами собою складывались в улыбку – а Дракон взирал на меня потрясенно и негодуя.

Он приподнялся на подушках. Содрал с руки примочку из розмарина с лимоном, сжал ее в кулаке, недоверчиво на нее уставился, затем перегнулся и схватил с покрывала в изножье кровати маленький дневник. Я положила его там, чтобы подглядывать, пока работаю. Дракон воззрился на заклинание, перевернул книжицу, чтобы рассмотреть корешок – словно глазам своим не верил! – и обрушился на меня:

– Ты, невозможная, несчастная, несуразная упрямица, что, ради всего святого, ты натворила на сей раз?!

Я негодуя откатнулась на пятках назад: и это после того, как я только что спасла не только его жизнь, но все, что только в нем есть, и все королевство от того чудовища, что сотворила бы из него Чаща!

– А что от меня требовалось? – осведомилась я. – И откуда мне было знать, что делать? Кроме того, оно же сработало, разве нет?

Почему-то мои слова лишь разозлили его так, что он аж дар речи утратил. Он вскочил с моей постели, швырнул книжицу через всю комнату – заметки разлетелись во все стороны! – и выбежал в прихожую, не произнеся ни слова.

– Мог бы хоть спасибо сказать! – крикнула я ему вслед, сама разозлившись не на шутку. И лишь после того, как шаги Дракона затихли в отдалении, я вспомнила, что ранен он был, спасая мою жизнь, и что наверняка свершил невозможное, чтобы вообще успеть ко мне на помощь.

Эта мысль, понятное дело, моего настроения не улучшила. Равно как и утомительная работа по уборке моей жалкой комнатухи и перестилание постели: пятна не отстирывались, все пахло отвратно, хотя и без привкуса искажения. Наконец я решила, что в кои-то веки воспользуюсь магией. Я начала было один из тех заговоров, которому научил меня Дракон, но тут же передумала и пошла подобрала дневник в углу. Я была не сказать словами как благодарна этой маленькой книжице и ее автору, магу или ведьме из далекого прошлого, – даже если от Дракона благодарности не дождешься! Уже на первых страницах я, к вящей моей радости, нашла заговор для освежения комнаты: «“Тишта” – петь то выше, то ниже, трудами направить». Я до середины пропела его про себя, пока переворачивала влажный запачканный чехол. Воздух вокруг меня сделался холодным и хрустким, но не неприятно кусачим; к тому времени, как я закончила, постельное белье стало ослепительно-чистым, точно его только что выстирали, а чехол пах так, как будто только сейчас из летнего стога. Я снова собрала кровать, тяжело опустилась на нее, словно бы сама себе удивляясь, когда последние остатки отчаяния меня покинули, а вместе с ними и силы. Я рухнула на постель и едва успела натянуть покрывало, как тут же и уснула.

Просыпалась я медленно, мирно, благостно, сквозь окно на меня изливался солнечный свет – и лишь постепенно я осознала, что в комнате не одна.

Дракон сидел у окна на рабочем стульчике, пепеля меня взглядом. Я приподнялась на постели, протерла глаза и в свой черед гневно воззрилась на него. Он протянул мне книжицу.

– Почему ты выбрала именно ее? – осведомился он.

– Там же полно заметок! – объяснила я. – Я подумала, это наверняка что-то важное.

– Ничего там важного нет, – заявил Дракон. Я, правда, ему не поверила: иначе с чего бы он так разозлился из-за этой книжицы? – Она бесполезна – она оставалась бесполезной на протяжении всех пяти сотен лет с тех пор, как эти записи были сделаны, и за целый век пристального изучения из нее не удалось извлечь никакой пользы.

– Что ж, сегодня она оказалась очень даже полезной, – возразила я, скрещивая на груди руки.

– Откуда ты узнала, сколько именно взять розмарина? – спросил Дракон. – И сколько лимона?

– Так ты же перепробовал самые разные дозы, судя по этим таблицам, – объяснила я. – Я и подумала, что количество не так уж и важно.

– В таблицы занесены неудачи, ты, нескладная дуреха! – заорал Дракон. – Никакая из этих доз не сработала – ни по отдельности, ни в качестве примесей, ни в сочетании с какими-либо заклинаниями – так что ты такое сделала?

Я глядела на него во все глаза:

– Ну, взяла ровно столько, чтобы запах был приятным, обдала кипятком, чтобы еще усилить аромат. И использовала заговор с той же страницы.

– Но там нет никаких заклинаний! – запротестовал Дракон. – Два тривиальных слога, и только, в них нет никакой силы...

– Когда я пропела их достаточно долго, магия хлынула потоком, – объяснила я. – Я пела на мотив «Многая лета», – добавила я. Дракон побагровел и вознегодовал еще больше.

В течение часа он придирчиво допрашивал меня, как именно я налагала чары, и раздражался все сильнее: я едва могла ответить на его вопросы. Дракон хотел знать, какие в точности слоги я использовала и сколько раз они повторялись, хотел знать, на каком расстоянии я находилась от его руки, и сколько было розмариновых веточек, и сколько лимонных шкурок. Я пыталась отвечать как можно точнее, но чувствовала – все это неправильно, не так; и наконец, пока он яростно записывал что-то на своих листочках, я не сдержалась:

– Но ведь все это вообще не важно! – Дракон приподнял голову и сердито воззрился на меня, а я продолжала, невразумительно, но убежденно: – Это просто... вроде как идти куда-то. Идти можно не одной дорогой. – Я указала на его записи. – Ты пытаешься отыскать дорогу там, где ее нет. Это все равно как...

все равно как собирать что-нибудь в лесу, – внезапно поняла я. – Ты продираешься сквозь заросли и меж деревьев, и каждый раз делаешь это по-разному, – торжествуя закончила я, искренне радуясь тому, что подыскала объяснение настолько понятное и простое. А Дракон лишь отшвырнул перо и недовольно откинулся в кресле.

– Но это же чушь, – почти жалобно отозвался он и расстроено уставился на собственную руку, как будто предпочел бы скорее вернуть порчу, нежели признать, что, возможно, неправ.

Он свирепо воззрился на меня, когда я так ему напрямик все и высказала – к тому времени я и сама разозлилась изрядно: мне хотелось пить, я прямо-таки умираю от голода, и на мне по-прежнему было Кристинино драное домотканое платье, которое спадало с плеч и совсем не грело. Решив, что с меня довольно, я встала и, не обращая внимания на выражение его лица, объявила:

– Я пошла в кухню.

– Отлично! – рявкнул Дракон и в бешенстве удалился в библиотеку.

Но вопрос, оставшийся без ответа, не давал ему покоя. Еще до того, как сварился куриный суп, Дракон снова возник у кухонного стола с новой книгой в руке – увесистой и элегантной, переплетенной в бледно-голубую кожу с серебряным тиснением. Он положил книгу на стол рядом с разделочной доской и твердо заявил:

– Я все понял. У тебя просто талант к целительству, и ты интуитивно угадала верное заклинание – пусть даже теперь ты не в состоянии точно вспомнить подробности. Это объясняет твою бестолковость в целом: целительство – это совсем особая разновидность магических искусств. Полагаю, обучение пойдет куда успешнее, как только мы сосредоточимся на дисциплинах целительства. Мы начнем с малых чар Грошно. – И он накрыл ладонью тяжелый том.

– Не начнем, пока я не пообедаю, – возразила я, не отрываясь от работы: я шинковала морковь.

Дракон пробормотал что-то сквозь зубы насчет несговорчивых идиотов. Я пропустила замечание мимо ушей. Небось он и сам был счастлив и рад есть за

стол и подкрепиться супом, когда я подала ему миску с толстым ломтем деревенского хлеба, который я испекла... всего-то позавчера, осознала я; меня не было в башне только сутки. А казалось, прошла тысяча лет.

– А с химерой ты покончил? – спросила я, зачерпывая суп ложкой.

– К счастью, Владимир не дурак, – ответил Дракон, промакивая губы наколдованной салфеткой. Я не сразу поняла, что он говорит о бароне. – После того как он прислал гонца, он подманил тварь поближе к границе, подбрасывая ей телят, а его копейщики между тем не давали ей никуда свернуть. Владимир потерял десять человек, но сумел-таки отогнать химеру на расстояние меньше часа езды от горного перевала. Мне удалось убить ее быстро. Химера оказалась совсем небольшая – всего-то размером с пони.

Голос его звучал до странности мрачно.

– Но ведь это хорошо, разве нет? – уточнила я.

Дракон раздраженно глянул на меня.

– Это была ловушка! – рявкнул он, подразумевая, что для любого разумного человека оно ясно как день. – Меня бы удерживали вдали от долины, пока порча не захлестнула бы весь Дверник и не распространилась дальше. – Дракон покосился на свою руку, сжал и разжал кулак. Он уже сменил рубашку на зеленую шерстяную. Рукав, схваченный у запястья золотым браслетом, закрывал все предплечье; я подумала, не осталось ли шрама.

– Значит, я была права, что пошла? – робко предположила я.

Лицо его сделалось кислым, как молоко, оставленное на июльской жаре.

– Ну, можно сказать и так, ежели, конечно, закрыть глаза на то, что ты извела меньше чем за день мои самые ценные зелья, на составление которых ушло пятьдесят лет. Тебе не приходило в голову, что если бы их можно было расходовать направо и налево, я бы просто выдал по полдюжине склянок всем деревенским старостам и избавил бы себя от необходимости вообще выходить в долину?

– Вряд ли зелья ценнее человеческих жизней, – выпалила я.

– Одна жизнь здесь и сейчас не стоит ста жизней в другом месте три месяца спустя, – парировал Дракон. – Послушай меня, дурочка, у меня в тигле стоит на возгонке огонь-сердце – в количестве ровно на одну склянку. Я начал работу шесть лет назад, когда король смог позволить выделить мне золота, и через четыре года зелье будет готово. Если мы изведем весь мой запас раньше, ты думаешь, Росия великодушно воздержится от того, чтоб спалить наши поля, отлично зная, что прежде, чем мы сумеем отплатить ей той же монетой, мы умрем с голоду и станем молить о мире? И все прочие зелья, что ты потратила, обходятся не дешево. Тем более что в Росии три мага-магистра, умеющих варить эликсиры, приходится на наших двух.

– Но мы же не воюем! – запротестовала я.

– Но по весне будем воевать, – заверил Дракон, – если только пойдут слухи об огонь-сердце и камень-коже, и твоим расточительстве, и росияне решат, что преимущество на их стороне. – Маг помолчал и устало добавил: – Или если они прослышат о могучей целительнице, способной изгонять порчу, и решат, что, напротив, чаша весов скоро склонится в нашу пользу, как только ты пройдешь необходимое обучение.

Я сглотнула и уставилась в миску с супом. Рассуждения Дракона о том, что Росия объявит войну из-за меня, из-за всего того, что я сделала или, по мнению росиян, смогу сделать, просто в голове не укладывались: чушь какая-то, да и только! Но тут я снова вспомнила, какой ужас испытала, когда вспыхнули сигнальные огни, а Дракона не было; я понимала, как мало способна помочь тем, кого люблю. Я нимало не сожалела, что взяла зелья, но я не могла больше притворяться даже перед самой собою, будто ровным счетом ничего не значит, выучу я хоть одно заклинание или нет.

– Как думаешь, я смогу помочь Ежи, когда научусь? – спросила я.

– Помочь человеку, который полностью захвачен порчей? – Дракон хмуро поглядел на меня. Но тут же неохотно признал: – Ты и мне не должна была суметь помочь.

Я взяла миску, допила остатки супа, оставила ее и посмотрела на Дракона через весь изрезанный, покрытый пятнами кухонный стол.

– Ладно, – мрачно сказала я. – Давай уже приступим.

К сожалению, готовность научиться магии еще не подразумевает, что ты непременно справишься. Малые чары Грошно ставили меня в тупик, а заклинания Метродоры не заклипались, хоть плачь. Три дня я позволяла Дракону учить меня целительным заклятиям, и все они казались такими же нелепыми и неправильными, как и все прочие. А на четвертое утро я ворвалась в библиотеку с маленьким истрепанным дневником в руках и положила его на стол перед Драконом. Маг нахмурился.

– Почему ты не учишь меня вот этому? – спросила я.

– Потому что этому научить невозможно! – рявкнул он. – Я едва сумел кодифицировать самые простенькие заговоры и привести их в мало-мальски пригодную к использованию форму, а что до высшего чародейства, так тут сам черт ногу сломит. При всей ее грозной славе, на практике эти записи ничего не стоят.

– При чьей еще грозной славе? – спросила я, покосившись на дневник. – Кто это писал?

– Яга, – нахмурился Дракон, и на мгновение я словно оледенела. Старая Яга умерла давным-давно, но песен про нее складывали мало, а барды пели их с опаской, и только летом, и только в полдень. Яга умерла и была погребена пять сотен лет назад, но это не помешало ей объявиться в Росии каких-то сорок лет тому назад, на крестинах новорожденного принца. Она превратила в жаб шестерых стражников, которые попытались остановить ее, усыпила двух магов, а затем подошла к младенцу и, хмурясь, поглядела на него сверху вниз. Потом выпрямилась, раздраженно бросила: «Что-то я из времени выпала», – и исчезла в огромном облаке дыма.

Выходит, то, что она мертва, отнюдь не помешает ей нежданно-негаданно возвратиться и потребовать свою книгу заклинаний назад... Но выражение моего лица только рассердило Дракона еще больше.

– Не смотри на меня как испуганная шестилетка. Вопреки народному поверью, Яга мертва, и сколько бы она там прежде ни блуждала во времени, уверяю тебя, цели у нее были поважнее, чем бегать подслушивать сплетни о себе, любимой. Что до этой книги, я потратил немыслимое количество усилий и денег, чтобы заполучить ее, и уже поздравлял себя с ценным приобретением, когда с превеликой досадой осознал, насколько эти записи разрозненны и неполны. Яга, очевидно, пользовалась ими как шпаргалкой: там вообще не указано в подробностях, как применять эти заклинания.

– Те четыре, что я опробовала, все отлично сработали, – заявила я. Дракон изумленно уставился на меня.

Он упрямо отказывался мне верить до тех пор, пока не заставил наложить с полдюжины заклинаний Яги. Они все были очень схожи: несколько слов, несколько жестов, немножечко трав. Но ничего из этого не играло ключевой роли, а заговоры произносились отнюдь не в строгом порядке. Я понимала, почему Дракон утверждает, будто этим заклинаниям научить нельзя: я ведь и сама толком не помнила, что делала, когда их налагала, и уж тем более не могла объяснить, почему делаю то или другое, но для меня они явились невыразимым облегчением после всех жестких, усложненных формул, которые мне навязывал Дракон. Мое изначальное описание оказалось удивительно верным: мне казалось, я пробираюсь через незнакомый лес, а Яга была что опытный грибник или ягожник где-то впереди, который кричал мне: «Там, на северном склоне, черника созрела», или «Тут под березами попадаются хорошие грибы», или «Ежевике проще обойти слева». Ей дела не было до того, как именно я доберусь до черники; она просто указывала нужное направление и предоставляла мне искать дорогу самой, осторожно нащупывая почву под ногами.

У Дракона все это вызывало такое отторжение, что мне аж жалко его стало. Наконец он поступил так: навис надо мною, пока я налагала последнее заклинание, и принялся отмечать каждую мельчайшую подробность – даже когда я чихнула, случайно вдохнув корицы, – а как только я закончила, он попытался все повторить сам. Ужасно странно было наблюдать за ним, точно за запаздывающим и изрядно приукрашенным отражением в зеркале: он проделывал все в точности как я, только куда изящнее, с безупречной точностью, отчетливо проговаривая каждый проглоченный мною слог. Но он еще и до середины не дошел, как я уже поняла: не сработает. Я дернулась было перебить его. Дракон метнул на меня яростный взгляд; я сдалась и дала ему

докончить заклинание и завести самого себя в глухую чащу – так я себе это представляла. А когда он умолк и ровным счетом ничего не произошло, я объяснила:

– Не нужно было здесь произносить мико.

– Но ты-то произносила! – рявкнул он.

Я беспомощно пожала плечами. Наверное, так и было, но если честно, я не помнила. Так ведь запоминать такие вещи и не надо.

– Когда произносила я, это звучало правильно, – объяснила я, – а когда заклинал ты, то нет. Ну как будто... ты идешь по тропе, а между тем на нее упало дерево или ее перегородили какие-нибудь заросли, а ты упрямо продолжаешь путь по прямой вместо того, чтобы обогнуть препятствие...

– Нет тут нет никаких зарослей! – взревел он.

– Вот что бывает, если слишком долго просидеть в одиночестве в четырех стенах, – задумчиво проговорила я, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Так недолго и позабыть, что все живое постоянно меняется.

Дракон в холодном бешенстве выгнал меня из библиотеки.

Надо отдать ему должное: Дракон дулся до конца недели, а затем раскопал на полке небольшую подборку книжиц, пропыленных и неиспользуемых, битком набитых неряшливыми, беспорядочными заклинаниями, вроде тех, что содержались в дневнике Яги. Все эти книги словно сами стремились ко мне, точно стосковавшиеся друзья. Дракон с трудом продирался сквозь них, сверялся с десятками отсылок в других книгах и, вооруженный этим знанием, намечал для меня курс обучения и практики. Он предостерегал меня против опасностей высокого искусства: заклинание может на полпути вырваться из рук и разбушеваться на воле; в дебрях магии можно заплутать и блуждать там точно в осязаемом сне, пока тело умирает от жажды; можно покуситься на заклинание, а оно тебе окажется не по плечу и выпьет силу, которой у тебя нет. Хотя Дракон по-прежнему не понимал, как вообще работают те чары, которые мне подходят лучше прочих, он яростно критиковал мои результаты и требовал, чтобы я говорила ему заранее, чего пытаюсь достичь, а когда я не могла толком

предсказать исход, он заставлял меня отрабатывать заклинание снова и снова, пока я не обретала понимание того, что делаю.

Короче говоря, Дракон пытался учить меня как мог и наставлять меня в моем продвижении ощупью по новообретенному лесу, пусть этот лес и представлялся ему чужой, незнакомой страной. Он по-прежнему злился на меня за мои успехи – не из зависти, а из принципа: Дракона, привыкшего к упорядоченности и точности, оскорбляло, что мое безалаберное чародейство и впрямь срабатывает, и когда у меня что-то получалось, он хмурился не меньше, чем когда я допускала явные ошибки.

Спустя месяц после того, как Дракон начал обучать меня на новый лад, я попыталась создать иллюзию цветка. Учитель пепелил меня взглядом.

– Я ничего не понимаю, – пожаловалась я – проныла, если уж начистоту; чары давались мне с невероятным трудом. Мои первые три попытки выглядели так, будто цветок сшили из обрывков бумажной ткани. Наконец мне удалось-таки соорудить мало-мальски убедительный шиповник – если только не приноживаться. – Цветок куда проще вырастить, зачем же возиться с магией?

– Все дело в масштабе, – объяснял Дракон. – Уверяю тебя, иллюзию армии создать проще, нежели армию как таковую. – Да как оно вообще работает?! – взорвался он. Мой наставник то и дело выходил из себя при виде моего самоочевидно никудышного чародейства. – Ты совсем не поддерживаешь заклинания – ни речитатива, ни жеста...

– Я все равно вкладываю в цветок магию. Очень много магии, – горестно завершила я.

Первые несколько заклинаний, которые не выдергивали из меня магию точно зуб, оказались таким неизъяснимым облегчением, что я уж подумала – самое плохое позади. Ведь теперь, когда я поняла, как именно магия должна работать – уж чего бы Дракон ни говорил на этот счет! – все окажется куда проще. Что ж, скоро я убедилась, как глубоко заблуждалась. Мои первые попытки подпитывались отчаянием и ужасом, а следующие несколько уроков были не сложнее тех первых заговоров, которым он пытался меня научить в самом начале: он считал, что теми простенькими заклятиями я овладею без особых усилий. Я действительно овладела ими с легкостью, и тогда Дракон безжалостно

приставил меня к настоящей работе, и все снова стало... ну, если не настолько невыносимо, то по крайней мере неописуемо трудно.

– Как ты вкладываешь в цветок магию? – процедил Дракон сквозь зубы.

– Так я ведь уже нашла тропу! – объясняла я. – Я просто следую по ней. Ты разве... не чувствуешь? – вдруг спросила я и протянула ему руку с цветком. Дракон нахмурился, накрыл ее ладонями и промолвил: – Вадийя руша иликад тухи, – и на мою иллюзию наложилась новая: две розы в одном пространстве, причем его роза, понятное дело, состояла из трех рядов безупречных лепестков и благоухала тонким ароматом.

– Попробуй сделать не хуже, – рассеянно промолвил Дракон. Пальцы его чуть двигались; шаг за шагом, рывками, мы сводили наши иллюзии воедино, и вот уже стало почти невозможно отличить одну от другой, и тут он внезапно воскликнул: – Ага! – ровно в тот момент, когда я начала прозревать его заклинание – в точности как странный механизм в центре стола, весь из блестящих подвижных деталек. Повинуясь внезапному порыву, я попыталась согласовать наши усилия; я представила себе его заклинание как водяное колесо мельницы, а себя – как бурный поток, колесо вращающий. – Что ты де... – начал было Дракон, а в следующий миг роза у нас осталась только одна – и начала расти.

И не только роза: вверх по книжным полкам во всех направлениях поползли виноградные лозы, оплетая древние тома и выбираясь в окно; высокие, хрупкие колонны, образовавшие арку дверного проема, исчезли среди берез, раскинувших длинные пальцы-ветви; пол покрылся мхом и фиалками; развернули листья изящные папоротники. Повсюду расцвели цветы, каких я в жизни не видела – странные висячие кисти и другие, с блестяще-яркими и острыми, как иголки, лепестками. Библиотеку заполнил густой аромат и запах мятых листьев и пряных трав. Я изумленно оглядывалась по сторонам, и магия моя текла легко и вольно.

– Ты это имел в виду? – спросила я. Создать целый сад оказалось не труднее, чем один-единственный цветок.

Но Дракон глядел на цветочное буйство повсюду вокруг нас так же потрясенно, как и я. Он озадаченно покосился на меня, словно впервые усомнившись, не

столкнулся ли с чем-то таким, к чему он не готов. Его длинные чуткие пальцы обнимали мои ладони: розу мы держали вместе. Магия пела во мне и сквозь меня, я слышала шепот ее силы, откликающейся в ответ той же самой мелодией. Внезапно мне стало очень жарко – и до странности неловко. Я высвободила руки.

Глава 7

Весь следующий день я как дура избегала Дракона. Слишком поздно я осознала, что мне это удастся так ловко, потому что он тоже меня избегает – а ведь прежде он не позволял мне пропускать уроки. Я предпочла не задумываться почему. Я упорно притворялась, будто это ровным счетом ничего не значит – просто нам обоим захотелось отдохнуть от невыносимо трудного обучения. Но я провела бессонную ночь и на следующее утро спустилась в библиотеку с красными глазами и вся как на иголках. Дракон, не взглянув на меня, коротко бросил:

– Начнешь с фулмкеа, страница сорок три. – Это было совершенно другое заклинание; а он даже головы над своей книгой не поднял. Я охотно погрузилась в такую безопасную работу.

В течение четырех дней мы почти не разговаривали друг с другом и, полагаю, будучи предоставлены сами себе, еще месяц бы прожили, обмениваясь от силы несколькими словами на дню. Но поутру четвертого дня к башне подкатили сани. Я выглянула в окно: это приехал Борис, да не один – он привез Касину мать Венсу. Она сжалась в комочек в глубине саней; бледное круглое личико выглядывало из-под шали.

С той самой ночи, когда вспыхнули сигнальные огни, я никого из Дверника не видела.

Данка отослала огонь-сердце обратно в Ольшанку – с охранным сопровождением. Отряд проехал через всю долину с вестью, и в каждой деревне к нему мрачно присоединялись еще люди. Четыре дня спустя после того, как я перенесла Дракона и себя саму обратно, к башне явилась целая толпа. Храбрецы, что и говорить: фермеры и ремесленники явились бросить вызов ужасу страшнее всего того, что они только вообразить могли; ведь все они не очень-то верили,

будто Дракон исцелился.

У мэра Ольшанки хватило смелости потребовать, чтобы Дракон показал рану городскому лекарю; тот неохотно повиновался, закатал рукав и предъявил тоненький белый шрам – все, что осталось от раны; и даже велел лекарю взять у него кровь из кончика пальца: кровь брызнула ярко-красная. А еще селяне привели старика-священника в длинной фиолетовой рясе произнести над ним благословение, что Дракона взбесило до крайности.

– Ну и на черта ты маешься этой дурью? – заявил он священнику, которого, по-видимому, немного знал. – Я тебе позволил отпустить грехи десятку порченных душ – и что, хоть кто-нибудь из них зацвел алой розой или заявил вдруг, что спасен и очищен? Чем, по-твоему, помогло бы мне это твое благословение, если бы я и впрямь был затронут порчей?

– Стало быть, с тобой все в порядке, – сухо откликнулся священник. Только тогда все наконец-то позволили себе поверить в лучшее, и мэр с превеликим облегчением вернул огонь-сердце.

Разумеется, моим братьям и отцу пойти не разрешили; равно как и никому из моих односельчан – им больно было бы отдавать меня огню. А те, что явились – они тарацились на меня: я стояла рядом с Драконом и не знала, каким словом описать то, что читалось в их лицах. Я уже снова переделалась в удобное простое платье, но они все равно, уходя, глядели на меня во все глаза – не враждебно, нет, но не так, как смотрели бы на дочку дровосека из Дверника. Примерно так я взирала поначалу на принца Марека. Они глядели на меня, словно видели перед собою героя легенды: если такой проедет мимо, его долго провожают глазами, но в их повседневной жизни такому места нет. Я поежилась под этими взглядами – и была только рада вернуться в башню.

В тот самый день я отнесла в библиотеку книжицу Яги и потребовала, чтобы Дракон бросил притворяться, будто у меня больше способностей к целительству, нежели к любому другому чародейству, и позволил мне изучать ту магию, к которой я способна. Я не пыталась написать письмо, хотя, наверное, Дракон позволил бы мне его отправить. Но что бы я сказала родным? Я побывала дома, я даже спасла свой дом, но он перестал быть моим; для меня теперь было немисливо пойти потанцевать на деревенской площади вместе с подружками – точно так же, как шесть месяцев назад я и помыслить не могла, чтобы войти как ни в чем не бывало в Драконову библиотеку и усесться за его стол.

Однако стоило мне увидеть лицо Венсы сквозь библиотечное окно – и все подобные мысли разом вылетели у меня из головы. Я бросила недоконченные чары висеть в воздухе – Дракон частенько наказывал мне никогда так не делать – и опрометью кинулась вниз по лестнице. Он что-то крикнул мне вслед, но я не вслушалась: ведь Венса не явилась бы, если бы могла приехать Кася. Я одним прыжком перескочила через последние несколько ступенек, влетела в большой зал, лишь на мгновение замешкавшись у врат.

– Ирронар, ирронар! – прокричала я. Это был всего-то-навсего заговор для развязывания узлов на спутанных веревках и нитках, и вдобавок еще и невразумительно произнесенный, но я вложила в него невесть сколько магии, как будто вознамерилась прорубиться сквозь чащу с топором вместо того, чтобы искать обходные пути. Створки изумленно вздрогнули – и распахнулись передо мною.

Колени мои внезапно подогнулись, и я рухнула в проем: не зря Дракон с язвительным наслаждением повторял мне вновь и вновь – самые могучие заклинания являются также и самыми сложными отнюдь не просто так. Я пошатнулась, но устояла и схватила Венсу за руки: она как раз потянулась постучать в ворота. Лицо ее сморщилось от плача, волосы разметались по спине и пучками выбивались из длинной заплетенной косы, одежда вся изодралась и запачкалась грязью; на ней была ночная сорочка и наброшенный сверху халат.

– Нешка! – воскликнула она, до боли сжав мои руки, стискивая их до онемения, ногтями впиваясь в кожу. – Нешка, я не могла не прийти.

– Рассказывай, – потребовала я.

– Они забрали ее нынче утром, когда она пошла за водой, – рассказала Венса. – Трое. Три ходульника, – голос ее срывался.

Недоброй весной считалась та, когда из Чащи выходил хотя бы один ходульник и выхватывал людей из леса, точно плоды срывал с дерева. Я однажды видела одного такого: издалека, за деревьями. Похожий на гигантское насекомое, составленное из палочек – такого почти невозможно разглядеть среди подлеска, весь из неестественно жутких сочленений. Он задвигался, и я отпрянула назад, с трудом сдерживая тошноту. У ходульников ноги и лапы точно ветки, с длинными и разветвленными пальцами-стебельками; они крались сквозь лес,

затаивались в укромном месте у тропы, или у воды, или у поляны – и безмолвно ждали. Если кто-то приближался к ним на расстояние вытянутой руки, то, считай, был обречен, если только поблизости не окажется толпы мужчин с топорами и огнем. Мне было двенадцать, когда одного такого поймали в полумиле от Заточека, крохотной деревушки близ самой Чащи. Ходульник сцапал ребенка, совсем мелкого мальчишку: тот нес ведро с водой матери для стирки; она увидела, как малыша схватили, и подняла крик. Рядом случилось достаточно женщин, чтобы поднять тревогу и не дать ходульнику сбежать. Наконец его удалось остановить с помощью огня, но целый день ушел на то, чтобы разрубить тварь на куски. Ходульник сломал ребенку руку и обе ноги, там, где схватил его, да так и не выпустил, пока ствол его тела не рассекли напополам и не отделили ветки-лапы. И даже тогда понадобилось трое сильных мужчин, чтобы оторвать зеленые пальцы от тела мальчика. На руках и ногах у бедняги так и остались шрамы, рисунчатые, как кора дуба.

Тем, кого ходульники утаскивали в Чащу, везло меньше. Мы не знали, что с ними происходило, но иногда они возвращались, затронутые порчей так страшно, как никто другой: улыбчивые, веселые, целые-невредимые. Те, кто не знал их близко, ничего особенного в них не замечали; с таким вернувшимся можно было проговорить полдня и так и не заподозрить ничего дурного – до тех пор, пока ты вдруг не хватал нож и не отрубал себе руку, и не выкалывал глаза, и не отрезал язык, а они все болтали как ни в чем не бывало и этак жутковато улыбались. А потом они забирали нож и шли в твой дом, к твоим детям, а ты лежал снаружи, слепой, задыхающийся, не в силах даже закричать. Если ходульники забирали кого-то, кто был нам дорог, единственное, на что нам оставалось для него надеяться – это смерть, но надежда оставалась только надеждой. Никто не знал наверняка, пока похищенный не возвращался, доказывая, что не умер, и тогда на него устраивали загонную охоту.

– Только не Кася, – прошептала я. – Только не Кася.

Венса опустила голову. Она рыдала, уткнувшись в мои руки и по-прежнему сжимая их железной хваткой.

– Нешка, пожалуйста! Ну пожалуйста! – Венса говорила хрипло, без тени надежды. Я знала: она никогда не пришла бы просить о помощи Дракона; она прекрасно понимала, что все бесполезно. Но ко мне она пришла.

Рыдания все не утихали. Я ввела Венсу в башню, в небольшую прихожую. Дракон нетерпеливо вошел в комнату и протянул ей чашку с каким-то настоем. Венса отпрянула и спрятала лицо в ладонях. Я передала ей чашку из своих рук. Едва отхлебнув, Венса тяжело обмякла, лицо ее разгладилось. Она позволила мне отвести ее наверх в мою комнатушку и тихонько прилегла на кровать, не закрывая глаз.

Дракон стоял в дверях и наблюдал за нами. Я взялась за медальон на Венсиной шее.

– У нее есть прядь Касиных волос. – Я знала, что Венса срезала локон с дочкиной головы в ночь накануне церемонии выбора, думая, что у нее ничего не останется от Каси на память. – Если я использую лойталал...

Дракон покачал головой:

– И что, по-твоему, ты надеешься найти, кроме улыбающегося трупа? Девушки больше нет. – Дракон дернул подбородком в сторону Венсы; веки ее постепенно смыкались. – Она поспит и чуть успокоится. Скажи возчику, чтобы приехал за ней утром.

Дракон развернулся и вышел, и хуже всего было то, как буднично он это произнес. Он не накричал на меня, не выбранил дурой; не заявил, что Чаща, того гляди, заберет и меня и добавит к своему воинству, и жизнь деревенской девчонки не стоит такого риска. Он не сказал мне, что я опьяненная успехом идиотка, которая только оттого, что расшвыривается зельями и выращивает цветы из воздуха, теперь забрала себе в голову, будто может спасти того, кого забрала Чаща.

Девушки больше нет. Он вроде бы даже сам сожалел о ней, ну, при всей своей резкости.

Я сидела рядом с Венсой, оледеневшая и немая, и держала ее загрубевшую красную мозолистую руку на коленях. Снаружи темнело. Если Кася еще жива, она в Чаше, смотрит, как садится солнце и в листве меркнет свет. Как долго человека выедают изнутри? Я представила себе Касю в лапах ходульников: как их длинные пальцы оплетают ей руки и ноги, и все это время Кася понимает, что происходит и что с нею станется.

Дождавшись, когда Венса уснет, я спустилась в библиотеку. Дракон был там: просматривал одну из своих громадных учетных книг. Я застыла в проеме, глядя ему в спину.

– Я знаю, что она была дорога тебе, – сказал Дракон через плечо. – Но нет доброты в том, чтобы обманывать ложной надеждой.

Я ничего не ответила. Ягина книжица заклинаний лежала открытой на столе, маленькая и потертая. На этой неделе я изучала только заговоры земли: фулмкеа, фулмедеш, фулмишта, надежные, незыблемые, настолько далекие от воздуха и огня иллюзии, насколько это вообще возможно для магии. За спиной у Дракона я забрала книжицу и спрятала ее в карман, а затем развернулась и молча спустилась вниз по лестнице.

Борис с удрученно вытянутым лицом, все еще ждал снаружи. Я вышла из башни; он оглянулся на меня от покрытых попонами коней.

– Ты отвезешь меня к Чаще? – спросила я.

Борис кивнул, я влезла в сани, накрылась полстью, а он взнуздав лошадей, уселся на козлы, крикнул «н-нооо!», звякнул поводьями – и сани заскользили по снегу.

Той ночью луна стояла высоко в небе – полная, несказанно прекрасная; на снегу повсюду лежал синий отсвет. По пути я открыла книжицу Яги и отыскала заговор для убыстрения бега. Я тихонько пропела его лошадям, те вслушались, насторожив уши, а в следующий миг ветер, сделавшись плотнее и глуше, больно надавил на щеки и ослепил глаза. Замерзшая Веретенка бледно-серебристой дорогой протянулась вдоль тракта, а на востоке впереди нас росла тень – росла и росла, и вот кони обеспокоенно замедлили бег и остановились вовсе – не понадобилось ни окрика, ни движения поводьев. Мир словно застыл.

Мы стояли под небольшой обтрепанной купой сосен. А впереди высилась Чаша – отделенная от нас сплошной каймой нетронутого снега.

Раз в год, когда земля оттаивала, Дракон уводил всех неженатых мужчин старше пятнадцати лет к границам Чащи. Он выжигал вдоль опушки бесплодную, черную полосу, а мужчины шли за его огнем и посыпали землю солью, чтобы ничего там больше не росло и не пускало корни. Клубы дыма хорошо просматривались из любой деревни. Видели мы, как чад поднимается к небу и по другую сторону Чащи, в далекой Росии; мы знали: там проделывают то же самое. Но всякий раз, дойдя до границы под сенью темных деревьев, огонь гас сам собою.

Я вылезла из саней. Борис поглядел на меня, в лице его читались страх и напряженность.

– Я подожду, – сказал он.

Но я знала: тому не бывать. Сколько он будет ждать? И чего? Ждать здесь, в тени Чащи?

Я представила, как мой отец ждал бы Марту, если бы мы с нею поменялись местами. И покачала головой. Если мне удастся вывести Касю, наверное, я смогу переправить ее в башню. Я надеялась, Драконов заговор нас впустит.

– Поезжай домой, – велела я, и тут меня внезапно обуяло любопытство, и я спросила: – У Марты все хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/novik_naomi/chascha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)